С. В. БЕЛОВ

МАСТЕР КНИГИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Серия «Научные биографии»

С. В. БЕЛОВ

МАСТЕР КНИГИ

ОЧЕРК ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. М. АЛЯНСКОГО

Ленинград
«НАУКА»
Ленинградское отделение
1979

Автор — ленинградский книговед, сотрудник Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина кандидат филологических наук С. В. Белов — рассказывает в предлагаемой работе о творческом пути замечательного советского деятеля книги С. М. Алянского (1891—1974) — издателя послереволюционных произведений А. Блока, а также многих произведений К. Федина, В. Каверина, К. Паустовского, М. Шагинян и других советских писателей. Отдельная глава посвящена деятельности С. М. Алянского в Ленинграде в годы блокады. В книге наряду с опубликованными источниками использованы архивные материалы.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

Ответственный редактор

академик Д. С. ЛИХАЧЕВ

На обложке — изображения марок тех издательств, с которыми была связана жизнь и деятельность С. М. Алянского.

Б $\frac{60102\text{-}206}{054\,(02)\text{-}79}$ 28-77 НПЛ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мастер книги. Самуил Миронович Алянский был действительно замечательным мастером советской книги. 50 лет жизни он отдал советскому издательскому делу, показав редчайший пример преданности книге.

Историкам русской книги, исследователям творчества Александра Блока, Анны Ахматовой, Андрея Белого, русских символистов С. М. Алянский известен прежде всего как основатель издательства «Алконост», «с маркой которого в 1918 году, — пишет К. А. Федин, — впервые вышло в свет иллюстрированное блоковское чудо — „Двенадцать“».[1]

Помимо отлично изданной поэмы «Двенадцать» с иллюстрациями Ю. Анненкова, в «Алконосте» впервые были изданы почти все послереволюционные произведения Александра Блока. И это величайшая заслуга С. М. Алянского перед русской и мировой культурой. Недаром о деятельности издательства «Алконост» так высоко отзывались А. М. Горький и А. В. Луначарский.

Люди моего поколения хорошо помнят существовавшее в конце 20-х и в 30-е годы «Издательство Писателей в Ленинграде». Именно в этом издательстве под непосредственным руководством С. М. Алянского вышли произведения многих выдающихся советских писателей, в том числе романы К. А. Федина «Братья» и «Города и годы».

Всем памятны патриотические плакаты ленинградских художников «Боевой карандаш». В блокадном Ленинграде зимой 1941/42 года их выпускал С. М. Алянский. Выпускал, несмотря на лютый мороз и страшный голод, несмотря на артиллерийские обстрелы и воздушные налеты. Яркие листы «Боевого карандаша» стали новой формой

---

[1] Федин К. А. [Предисловие] к кн.: Алянский С. Встречи с Александром Блоком. [Изд. 2-е]. М., 1972, с. 3.

советского агитационного искусства, а деятельность ленинградских художников и С. М. Алянского была поистине героической.

Последние тридцать лет своей жизни С. М. Алянский отдал детской иллюстрированной книге. Сумев привлечь к работе с детской книгой таких известных советских художников, как В. Лебедев, Ю. Васнецов, Е. Чарушин, В. Конашевич, С. М. Алянский добился нового качественного роста советской детской иллюстрированной книги. Работа С. М. Алянского в издательстве «Детская литература» — это целый этап в развитии нашей детской книги.

С. М. Алянского знали, любили и ценили А. Блок, А. Ахматова, А. Белый, Вс. Мейерхольд, К. Чуковский, К. Федин, К. Паустовский, А. Райкин, М. Шагинян, В. Лидин, В. Шкловский, С. Михоэлс, Ю. Шапорин, В. Фаворский, С. Маршак, Л. Пантелеев и многие другие крупнейшие деятели литературы и искусства. Все они неоднократно отмечали большие заслуги С. М. Алянского в развитии нашей литературы и книги.

В шестидесятилетней истории советской литературы и книги С. М. Алянскому принадлежит одно из самых почетных мест. Вот почему можно только приветствовать книгу С. В. Белова «Мастер книги», живо и интересно рассказывающую о деятельности этого замечательного человека. Это, по существу, первая книга о советском профессиональном издательском работнике.

Академик *Д. С. Лихачев*

ОТ АВТОРА

Все, кто знал этого человека, поражались его необычайной деликатности, скромности и интеллигентности. Все знали, что он работает в издательстве «Детская литература», но лишь немногие, совсем близкие друзья знали, что это тот самый Самуил Миронович Алянский, который в 1918 году организовал в Петрограде знаменитое издательство «Алконост», где вышли почти все послереволюционные произведения Александра Блока.

Но вот исполнилась заветная мечта С. М. Алянского: двумя изданиями — в 1969 и 1972 гг. — вышла его замечательная книга «Встречи с Александром Блоком» — книга, которую он вынашивал почти полвека. «Я узнал этого редкого человека около полустолетия назад, — пишет в предисловии к книге С. М. Алянского выдающийся советский писатель К. А. Федин. — Он никогда не любил как-нибудь „представляться“, не мнил себя благодетелем поэтов, ни — тем паче — литератором: писать он всегда стеснялся, как его, бывало, ни уговаривали. И вдруг — с необыкновенной искренностью, с настоящим психологическим раскрытием создал рассказ об Александре Блоке! . . .».[1]

Книга С. М. Алянского — действительно, удивительная книга в многочисленной литературе о великом русском поэте. Она написана с поразительным тактом и скромностью. Автор держится все время в тени. А ведь С. М. Алянский был не просто издателем большинства послереволюционных произведений Блока. Он был близким поэту человеком, ибо вряд ли Блок доверил бы печатание своих произведений человеку, духовно ему чуждому. Вот почему нельзя без волнения читать описание С. М. Алянским последней встречи с поэтом:

---

[1] Алянский, с. 3. (Список сокращений см. в конце книги, на с. 107).

«Александр Александрович тяжело дышит, лежит с закрытыми глазами, должно быть, задремал. Наконец решаюсь, встаю, чтобы потихоньку выйти. Вдруг он услышал шорох, открыл глаза, как-то беспомощно улыбнулся и тихо сказал:

— Простите меня, милый Самуил Миронович, я очень устал.

Это были последние слова, которые я от него услышал. Больше я живого Блока не видел».[2]

В «Алконосте» впервые появилась поэма А. Блока «Двенадцать» (с иллюстрациями Ю. Анненкова), а также книги других известных писателей первых десятилетий XX века. Одновременно издательство «Алконост» выпускало журнал «Записки мечтателей», в шести номерах которого увидели свет произведения А. Блока, Надежды Павлович, Мариэтты Шагинян, Ф. Сологуба, М. Гершензона, К. Чуковского.

Но в «Алконосте» печатались не только символисты. В 1921 году в Петрограде возникла литературная группа «Серапионовы братья». В группу входили К. Федин, Всев. Иванов, М. Слонимский, Н. Никитин, М. Зощенко, В. Каверин. В 1922 году С. М. Алянский выпустил в «Алконосте» коллективный сборник «Серапионовы братья», куда вошли произведения этих крупных впоследствии деятелей советской культуры.

Уже осенью 1918 года Блок в письме к А. Белому высоко оценил организаторские способности С. М. Алянского и созданное им издательство «Алконост». Столь же высоко оценивали «Алконост» А. М. Горький и А. В. Луначарский, сумевший оказать «Алконосту» через Литературно-издательский отдел Наркомпроса материальную помощь и моральную поддержку.

Но С. М. Алянский обладал не только организаторскими способностями. Он прекрасно понимал, что все свои разговоры и встречи с Блоком надо сохранить для потомства. Именно С. М. Алянский 12 августа 1918 года записал по памяти «Рассказ А. А. Блока о том, как возник образ Христа в поэме „Двенадцать“».

Книга «Встречи с Александром Блоком» кончается смертью поэта. Шестой номер журнала «Записки мечта-

---

[2] Там же, с. 154.

телей» С. М. Алянский целиком посвятил памяти любимого художника слова. Но без Блока «Алконост» не мог долго существовать: Блок был душой издательства, ради Блока оно было задумано, в издании произведений Блока была главная цель его существования.

И хотя и после закрытия в 1923 году «Алконоста» С. М. Алянский имел все возможности в годы нэпа открыть новое издательство, однако без Блока это уже не имело смысла. Но с книгой Самуил Миронович теперь уже не расстанется до конца своих дней. Как отмечает Алянский в неопубликованной автобиографии, знакомство с Блоком повлияло на всю его дальнейшую деятельность: он решил посвятить книге свою жизнь.[3] Пятьдесят лет Самуил Миронович отдал советской книге, став крупнейшим, а к моменту выхода своей книги о Блоке уже и старейшим советским издательским работником.

И здесь надо вспомнить работу С. М. Алянского в «Издательстве Писателей в Ленинграде», где он выпустил произведения К. А. Федина, А. Н. Толстого, О. Д. Форш, В. Я. Шишкова, М. С. Шагинян, Н. С. Тихонова и многих других замечательных советских писателей. Не менее важной была работа С. М. Алянского и в издательстве «Молодая гвардия», и в издательстве Ленинградского Союза советских художников, где в тяжелые годы блокады Самуил Миронович самоотверженно выпускал патриотические агитплакаты «Боевой карандаш». За эту работу он был награжден почетной грамотой Политуправления Ленинградского фронта и медалью «За оборону Ленинграда».

С 1944 года и до самой смерти С. М. Алянский работал в издательстве «Детская литература». Именно ему советская иллюстрированная книга для детей обязана самыми выдающимися успехами и достижениями.

Мариэтта Шагинян, знавшая С. М. Алянского почти полвека, пишет: «Это был замечательный человек, издатель большого вкуса и культуры».[4] С именем Самуила Мироновича Алянского неразрывно связана шестидесятилетняя история советского издательского дела, советской книги.

---

[3] Автобиография, л. 2.

[4] М. С. Шагинян — С. В. Белову, 12 II 1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

Предлагаемая вниманию читателей работа является первой книгой о жизни и деятельности крупнейшего мастера советской книги. Цель этой книги — дать читателям представление о масштабе и значении издательской деятельности С. М. Алянского, показать, что он сыграл значительную роль в становлении и развитии советской книги и литературы.

В книге использованы материалы Центрального государственного архива литературы и искусства, Ленинградского государственного архива литературы и искусства, Отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Отдела рукописной и редкой книги Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, личный архив С. М. Алянского, а также воспоминания и эпистолярные материалы, которыми щедро поделились с автором родные и друзья С. М. Алянского: дочь — Н. С. Алянская, сестра — Б. М. Алянская, племянник — писатель Ю. Л. Алянский, Е. Б. Анненкова, Г. М. Васнецова, А. С. Лазо, А. Г. Кнорре, писатели, художники, литературоведы и издательские работники М. С. Шагинян, В. Г. Лидин, Н. А. Павлович, Л. Пантелеев, Вл. Н. Орлов, А. Г. Островский, И. С. Астапов, Т. А. Еремина, Л. П. Зусман, В. И. Курдов, Ф. В. Лемкуль, Н. Е. Чарушин, К. Ф. Пискунов, Л. Я. Либет, Е. А. Динерштейн, Л. К. Долгополов, Д. Гольдштейн, Л. Н. Делекторская.

Всем им автор приносит глубокую благодарность.

В БИБЛИОТЕКЕ Л. И. ЖЕВЕРЖЕЕВА

«Я родился 29 мая 1891 года в Петербурге, в семье ремесленников: мать была портнихой, а отец переплетчиком, — пишет С. М. Алянский в автобиографии. — Семья была большая: семь человек детей. Я был вторым. Родителям, естественно, трудно было поднять нас и дать образование; нам, старшим, пришлось с малых лет помогать сначала работой по дому, а когда начали учиться, то мелкими случайными заработками».[1]

Отец Алянского был довольно известным в Петербурге переплетчиком книг. В конце XIX и в начале XX века искусство книжного переплетчика ценилось весьма высоко (хотя и не столь высоко оплачивалось). Многие из заядлых библиофилов считали своим долгом сделать для редких книг своих обширных коллекций красивые переплеты.

Но бывали у М. И. Алянского и люди совсем другого круга. Дело в том, что Мирон Исаевич Алянский, как ремесленник, имел право нанимать подмастерьев и прописывать их у себя. Пользуясь этим, М. И. Алянский приютил многих лиц, которым пребывание в Петербурге было затруднено. В основном это были революционеры, подпольщики, бывшие узники Шлиссельбургской крепости.

Может быть, и не стоило бы рассказывать о профессии М. И. Алянского, если бы мы не знали, что один из его семерых детей, Самуил Миронович Алянский, стал замечательным мастером советской книги. М. И. Алянский сумел привить сыну уважение к внешнему виду книги, к ее переплету, к книге как к величайшему «чуду из всех чудес». Вторым человеком, который, как признается сам Алянский в книге «Встречи с Александром Блоком», во многом определил его дальнейшую

---

[1] Автобиография, л. 1.

судьбу и профессию издательского работника, был Левкий Иванович Жевержеев.[2]

«Старший брат давал уроки неуспевающим, а я, обладающий четким почерком, с третьего класса гимназии получил вечернюю работу в газете „Речь", — продолжает Самуил Миронович свою автобиографию. — Там я писал литографическими чернилами адреса подписчиков для печати. Но так как эту работу я имел только в периоды подписных кампаний, то есть два раза в год, то в остальное время я, так же как и брат, давал уроки. Начиная с 5 класса, я имел уже постоянную работу по вечерам: служил конторщиком в конторе мостостроителя инженера Ф. Ф. Кнорре.

В гимназии я учился с 1903 по 1911 год. За это время, кроме мелких случайных работ по вечерам, я в 1908 году попал в библиотеку Л. И. Жевержеева, где работал до 1912 года над составлением каталога библиотеки».[3]

Удивительный это был человек Левкий Иванович Жевержеев! Официально он числился владельцем парчово-ткацкой фабрики, но все доходы, которые приносила ему фабрика, он тратил на приобретение редких книг и материалов по истории русского театра. В начале века библиотека Жевержеева и его театральная коллекция стали поистине уникальными: он отдавал им и все свои деньги, и все время, и всю энергию. Вот почему о Левкии Ивановиче так тепло вспоминают крупнейшие деятели театра, литературы и искусства. Когда в 1969 году вышла книга Алянского «Встречи с Александром Блоком», он послал экземпляр народному артисту СССР Аркадию Райкину, с которым незадолго до того сдружился и сблизился. 3 апреля 1970 года Аркадий Райкин ответил Самуилу Мироновичу: «... Прежде всего о Вашей книге, которую я проглотил как тонкое изысканное вино, смакуя каждую Вашу фразу и каждый эпизод, так изящно изложенный и доставивший мне огромное удовольствие. Книга прежде всего рисует Вас как человека удивительно скромного, сердечного, тактичного (Вы сумели не заметить и обойти интимные стороны сложных отношений семьи Блоков) и человека, глубоко понимающего трагедию художника.

---

[2] Алянский, с. 10.
[3] Автобиография, л. 1.

Спасибо Вам за этот удивительно тонкий литературный опус о Великом поэте.

Кроме всего прочего, мне случайно довелось учиться в одной школе и в одном классе с Толей, сыном Левкия Ивановича Жевержеева. Я часто бывал в квартире на Троицкой улице и имел возможность получать удовольствие от общения с удивительным хозяином, который так любил искусство и литературу, что, по существу, посвятил этому всю жизнь. Кроме того, в книге Вашей описан и Владимир Николаевич Соловьев, у которого я когда-то учился в Театральном институте (в его мастерской). Владимир Николаевич занял меня, студента, в постановке оперы Перголези „Служанка-госпожа", которая шла в театре Эрмитаж (в Ленинграде был в свое время такой театр, где можно было послушать симфоническое произведение, оперу, концертную музыку 16—17 столетия). Владимира Николаевича я очень любил, это был необыкновенно интересный человек, большой знаток итальянского и французского театра, человек, которому я многим обязан и которого продолжаю вспоминать с любовью по сей день. Спасибо Вам, многоуважаемый Самуил Миронович, за то, что вспомнили моего дорогого учителя и обаятельного человека...».[4]

Упоминаемый в письме А. Райкина и в книге С. М. Алянского режиссер и театровед В. Н. Соловьев (1888—1941) был частым посетителем так называемых «жевержеевских пятниц». Левкий Иванович любил собирать у себя по пятницам молодых поэтов, художников, актеров, композиторов и искусствоведов. Именно здесь Самуил Миронович впервые увидел Велемира Хлебникова, Владимира Маяковского, Давида Бурлюка, Алексея Крученых, Михаила Матюшина и многих других литераторов футуристического направления.

Владелец парчово-ткацкой фабрики не просто питал слабость к талантливым представителям этого нового художественного течения. Л. И. Жевержеев активно поддерживал футуристов, финансируя их сборники, выставки и даже постановку оперы «Победа над Солнцем».[5] Нако-

---

[4] А. И. Райкин — С. М. Алянскому, 3 IV 1970 г. — Личный архив С. М. Алянского.

[5] Музыка М. Матюшина, пролог В. Хлебникова, либретто А. Крученых. (См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома на 1974 год. Л., 1976, с. 178).

нец, тот же Левкий Иванович в 1910 году был единогласно избран председателем «Союза молодежи» — общества художников левого направления. Л. И. Жевержеев одним из первых обратил внимание на замечательный талант Владимира Маяковского, который тоже с большой теплотой и симпатией относился к чудаковатому меценату.[6]

В своей книге «Театральные легенды» ленинградский писатель Юрий Алянский посвятил Л. И. Жевержееву целую главу под названием «Одна, но пламенная страсть», где рассказывает о дальнейшей судьбе Левкия Ивановича.[7] После Великого Октября он стал активным строителем новой советской культуры, работая с 1918 года и до конца своих дней (Левкий Иванович скончался в 1942 году в блокадном Ленинграде) заместителем директора Театральнюго музея, куда и перешла вся его богатейшая театральная коллекция.

К этому интересному человеку и поступил на работу семнадцатилетний гимназист Алянский. Л. И. Жевержеев решил напечатать типографским способом каталог своего колоссального книжного собрания. Библиографы петербургской Публичной библиотеки посоветовали коллекционеру предварительно занести сведения о каждой книге на специальные карточки. Для такой трудоемкой работы Жевержееву требовались хотя бы два расторопных и энергичных помощника. Одноклассник Алянского по гимназии Василий Васильев, уже работавший у Жевержеева, предложил пойти на работу к известному библиофилу и своему гимназическому товарищу: «Помимо заработка, который даст тебе возможность спокойно учиться, — говорил Василий, — эта работа очень интересна: ты будешь держать в руках и перелистывать замечательные, редчайшие книги. Таких изданий ты никогда не видел».[8]

Так Алянский попал в удивительный мир книги — мир, который может захватить человека на всю жизнь.

---

[6] См.: Жевержеев Л. И. Воспоминания. — В кн.: Маяковскому. Сб. воспоминаний и статей. Л., 1940, с. 132—145; В. А. Катанян приводит письмо Маяковского Жевержееву от 7 июня 1913 г. (См.: Катанян В. Маяковский. Литературная хроника. Изд. 4-е, доп. М., 1961, с. 47).

[7] Алянский Ю. Л. Театральные легенды. М., 1973, с. 152—171.

[8] Алянский, с. 6.

Через много лет Самуил Миронович напишет в своих воспоминаниях: «В библиотеке Жевержеева я насмотрелся чудесных изданий, созданных творческим трудом многих безвестных мастеров-полиграфистов. Именно здесь, в библиотеке, был заложен фундамент моей будущей приязни к книге, к искусству книги. Книга становилась для меня не только источником духовного богатства, она становилась еще и предметом искусства».[9]

После окончания гимназии С. М. Алянский в 1911 году держит экзамены в Петербургский университет. Он сдает их вполне успешно, но трудное материальное положение многодетной семьи вынуждает его отказаться от мысли о получении высшего образования и поступить на работу. Четыре года Самуил Миронович прослужил конторщиком в акционерном обществе «Мазут» и в Азовско-Донском коммерческом банке, а в 1916 году был призван в армию и направлен в Новгород, в 177-й пехотный полк.

Вернувшись в Петроград после Февральской революции, Алянский снова пошел на работу в библиотеку Л. И. Жевержеева, где его уже ждал Василий Васильев. Как раз в это время маститый библиофил решил продать скопившиеся за много лет дубликаты своих книг другим библиофилам или антикварным книжным магазинам. Васильев предложил открыть собственную книжную лавку. Жевержеев поддержал идею своего молодого помощника и сказал, что отдает в новую книжную лавку все свои дубликаты.

Осенью 1917 года на Колокольной улице, 1, в двухэтажном доме купца Николая Васильевича Набилкова была открыта книжная лавка Алянского и Васильева. В первом этаже дома Набилкова жили родители Самуила Мироновича. Полкомнаты с окном и дверью они выделили новоявленным книгопродавцам.

Когда петербургские библиофилы узнали, что в книжной лавке на Колокольной будут продаваться книги из знаменитой библиотеки Л. И. Жевержеева, они все потянулись в дом Набилкова. Запас книг стал быстро таять. Надо было срочно заполнять опустевшие полки. И тогда молодые книготорговцы решили выставить на продажу стихи современных им авторов. Сначала они принесли в лавку свои личные книги — сочинения любимых поэтов,

[9] Там же, с. 16.

затем Алянский несколько раз ездил в Москву, пытаясь раздобыть у московских издателей и книгопродавцев лишние поэтические сборники. Но книги русских поэтов, и особенно Александра Блока, пользовались таким большим спросом, что Алянский и Васильев никак не могли удовлетворить всех своих покупателей.

И вдруг кому-то из них пришла счастливая мысль обратиться к самому Блоку с просьбой дать для продажи в лавку на Колокольной какие-нибудь из оставшихся у него авторских экземпляров своих сборников.

«Но как обратиться? Как искать знакомства с ним? И наконец, кому из нас говорить с Блоком? — вспоминает Алянский. — Нас одолевала страшная робость: Блок был нашим кумиром. Честь первого знакомства с поэтом каждый из нас уступал другому. Уговоры друг друга ни к чему не привели, и мы решили бросить жребий. Жребий пал на меня».[10]

«АЛКОНОСТ»

«Дверь открыла высокая белокурая женщина. Она с любопытством рассматривала меня умными, улыбающимися, слегка прищуренными глазами. Позднее я узнал, что это была жена поэта, Любовь Дмитриевна, — вспоминает Алянский. — Она провела меня в большую комнату, примыкавшую к передней, в кабинет Александра Александровича... Не успел я как следует осмотреться, как справа, из другой двери, легкой походкой вышел стройный, красивый человек с немного откинутой назад головой Аполлона...

Человек, которого я увидел, мало чем напоминал известную фотографию поэта. Я не сразу узнал его. Он подошел ко мне, улыбнулся, протянул руку и глуховатым голосом назвал себя. Заметив мою растерянность, Блок сам заговорил о цели моего прихода.

— Вам нужны мои книги?... Садитесь, пожалуйста, и расскажите о себе подробнее. Кто вы? Где учились? Где вы служили в армии? (Я был в солдатской одежде). Что у вас за книжная лавка? Какие из моих книг вам нужны? Жена рассказала про ваш телефонный звонок, и

[10] Там же, с. 26.

мне захотелось познакомиться с вами. Расскажите о себе подробнее, — повторил он, тепло и дружески улыбаясь».[1]

Нужно сказать, что молодой книгопродавец был вполне подготовлен к встрече с великим поэтом. Еще в гимназии Алянский принимал активное участие в работе внеклассного литературного кружка, который, как он пишет, «приучал самостоятельно думать, формировал и оттачивал вкусы, научил слушать и понимать музыку стиха, ненавидеть мещанство и всякое проявление пошлости».[2]

По словам Алянского, уже в гимназические годы «литература и искусство стали нашей потребностью».[3] Идя на встречу с Блоком, Самуил Миронович прекрасно знал русскую поэзию начала двадцатого века, особенно любил поэтов-символистов и прежде всего боготворил Александра Блока. Старый большевик Илья Яковлевич Борский, знавший Алянского еще до революции, вспоминает: «Мне на своем долгом пути жизни пришлось некоторое время встречаться с очень интересным человеком — Алянским... Он выделялся среди окружения своей, я бы сказал, петроградской изысканностью речи... Алянский любил театр — вообще искусство, часто читал, на память, стихи Блока. Читал их хорошо, стараясь быть похожим на их автора».[4]

Вероятно, уже во время первой встречи с Алянским Блок почувствовал в нем духовно близкого ему человека. Этому в немалой степени способствовало высказанное Самуилом Мироновичем предложение вновь объединить символистов вокруг своего журнала или издательства. Блок просил позвонить ему и непременно зайти еще раз.

Через три дня Самуил Миронович снова зашел на Офицерскую улицу к Блоку.[5] Поэт принял его дружески, как старого знакомого и, решив поддержать идею Алянского об организации издательства, предложил ему для начала выпустить отдельной книжкой свою поэму «Соловьиный сад», не вошедшую в трехтомное собрание стихотворений Блока, изданное в 1916 году.

---

[1] Алянский, с. 29, 30.

[2] Там же, с. 9.

[3] Там же.

[4] И. Я. Борский — Ю. Л. Алянскому, 28 V 1976 г. — Личный архив Ю. Л. Алянского.

[5] На Офицерской улице (ныне ул. Декабристов) в д. № 57 А. А. Блок жил с 1912 г. до самой смерти (сначала в кв. 21, затем — в кв. 23).

«Теперь я бывал на Офицерской очень часто, — вспоминает Алянский. — Отныне предметом наших бесед стали: заголовки, шрифты, линейки, спуски, отступы, поля и пр. Блок научил меня корректорским знакам и старательно знакомил с начатками наборного и печатного дела. Терпеливо, с любопытством и сочувствием смотрел Блок на мои первые неловкие шаги и бережно помогал мне обходить острые и опасные углы. Это был мой первый университет, вернее, начальная школа издательского дела».[6]

Марку для нового издательства Алянский решил заказать своему товарищу по гимназии художнику Юрию Анненкову, а название издательства — «Алконост» [7] — Самуил Миронович придумал вместе с Васильевым. Это был, по существу, единственный вклад Васильева в организацию «Алконоста». Не желая рисковать, он продолжал заниматься книжной торговлей на Колокольной улице.[8]

Руководителем издательства, а по сути дела и единственным техническим работником, корректором, редактором, экспедитором и т. д. был С. М. Алянский. Все издания были осуществлены его героическими усилиями.

Русское издательское дело, история русской книги знает немало бескорыстных имен. В России и в XIX, и в начале XX века уже встречались издатели, никогда не извлекавшие прибыли из выпускаемых ими книг. Но, как правило, эти издатели, занимаясь своим делом бескорыстно, имели наследственный или какой-либо другой капитал, который и давал им возможность заниматься «издательской филантропией».

У Самуила Мироновича не было ничего: ни наследственных, ни благоприобретенных капиталов. Были лишь любовь к Блоку и уважение к его великому таланту. Они-то и помогли Алянскому преодолеть все материаль-

---

[6] Алянский, с. 45—46.

[7] *Алконóст* — сказочная птица с человеческим лицом, часто изображавшаяся в старину на русских лубочных картинках. Образ этот восходит к древнегреческому мифу, согласно которому Алкиона, супруга Кеика, узнав о гибели мужа, бросилась в море и была превращена богами в птицу, названную по ее имени алкион (зимородок). В русский язык слово «Алконост» вошло в результате искажения древнерусского речения «алкион есть птица».

[8] Член-корреспондент Академии медицинских наук СССР А. Г. Кнорре, встречавшийся с В. Васильевым вплоть до 1941 г., в беседе с автором этой книги высказал предположение, что Васильев и его семья погибли в Ленинграде во время блокады.

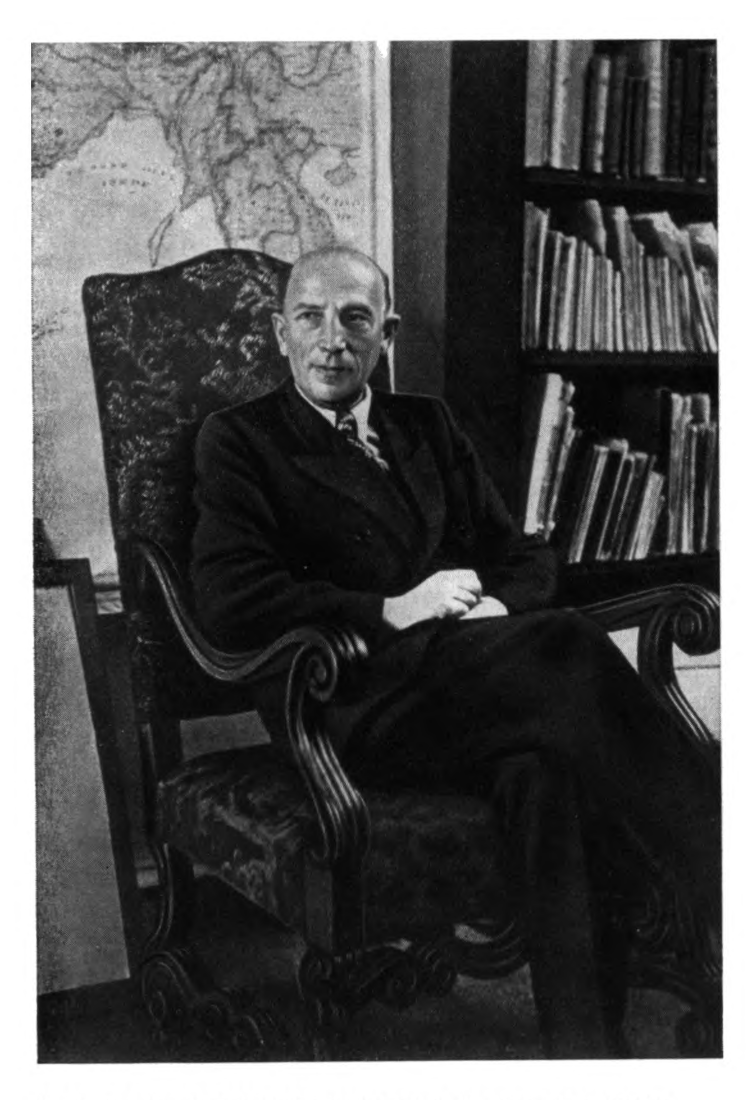
С. Алянский и В. Васильев у входа в издательство «Алконост». ***Петроград, 1919 г.***

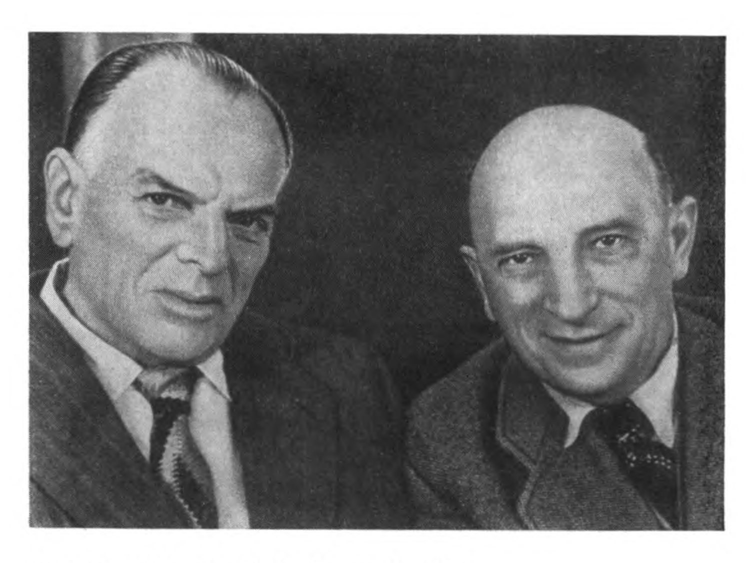
Фото А. Блока с его автографом.

К. А. Федин с семьей и С. М. Алянский в Переделкине. ***1944 г.***

С. М. Алянский в квартире художника Н. И. Альтмана. *1948 г.*

К. Г. Паустовский и С. М. Алянский. *1965 г.*

ные и технические трудности и 6 июля 1918 года выпустить в свет тиражом три тысячи экземпляров первую книгу «Алконоста» — поэму Блока «Соловьиный сад».[9]

Первую корректуру этого издания Алянский подарил своему старшему наставнику и доброжелателю Л. И. Жевержееву, который сразу же поверил в успех будущего издательства и предложил молодому, восторженному книгоиздателю свою материальную помощь. Вот почему Самуил Миронович написал на корректуре «Соловьиного сада»: «Дорогому Левкию Ивановичу Жевержееву — одному из главных виновников появления на свет Изд. „Алконост" — первая корректура первого издания С. Алянский. 17/XII 1918 г.».[10]

Рождение «Алконоста» не прошло незамеченным. «К литературным событиям этого сезона относится возникновение издательства „Алконост" (1918 г.), — вспоминает писательница и переводчица Мария Андреевна Бекетова (тетка А. А. Блока). — Основатель его — С. М. Алянский случайно познакомился с Ал. Ал., зайдя к нему по какому-то книжному делу, и предложил издать в виде пробы одну из его книг. Александр Александрович согласился на его предложение и дал тогда поэму „Соловьиный сад", написанную в 1915 году и появившуюся в газетах. На этот раз „Соловьиный сад" был напечатан отдельной книжкой. Поэма настолько забылась публикой, что даже критик Львов-Рогачевский принял ее за новое произведение Блока. Отношения Ал. Ал. к Алянскому сразу приняли дружеский характер, основанный на полном доверии и симпатии. Молодой издатель, еще неопытный в своем деле, руководствовался советами Ал. Ал. и быстро развился под его влиянием, приобретя почетное и прочное положение».[11]

В знак благодарности за создание близкого его сердцу издательства, Блок подарил своему издателю поэму «Соловьиный сад» с драгоценным автографом: «Самуилу Ми-

---

[9] На издательской марке стояло «Альконост». Затем ошибка в написании была по указанию Вяч. Иванова исправлена, и все остальные книги вышли под маркой «Алконост».

[10] Цит. по: Алянский Ю. Л. Театральные легенды. М., 1973, с. 154.

[11] Бекетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., 1922, с. 261—262.

роновичу Алянскому с искренним желанием успеха издательству „Альконост". Александр Блок VII 1918».[12]

Но и Самуил Миронович прекрасно понимал, что именно творческому гению поэта обязано своим рождением издательство «Алконост». Поэтому на одной из первых книг «Алконоста», преподнесенной Блоку, молодой издатель сделал дарственную надпись: «Александру Александровичу Блоку искреннему благожелателю „Алконоста" на добрую память С. Алянский 25/IX 1918 г.».[13]

Блок до конца своих дней являлся главным идейным руководителем «Алконоста». Но Самуил Миронович решил привлечь к участию в издательстве также целый ряд других поэтов и писателей. Однако здесь Алянскому предстояло преодолеть трудности совсем другого порядка.

Наивный и восторженный издатель не знал еще тогда, какими сложными оказались отношения Блока с некоторыми кругами русской интеллигенции после появления 3 марта 1918 г. в газете «Знамя труда» знаменитой революционной поэмы «Двенадцать», не знал, что далеко не все поэты приветствовали появление этого произведения и что даже друг Блока поэт Владимир Пяст перестал подавать ему руку. Вокруг автора «Двенадцати» создалась атмосфера, о которой критик Р. В. Иванов-Разумник писал после смерти поэта в статье «Памяти Блока»: «Пройдем мимо этого и мелкого, и гнусного, и острого, мимо той травли, которой подвергся из всей группы больше всех именно Блок за свои „Двенадцать". Именитые поэты наши, травившие тогда Блока, печатно сообщавшие, что отказываются выступать на одних с ним вечерах и не подававшие ему руки, — уже наказаны в полной мере: их имена перейдут потомству в этой связи с именем Блока».[14]

Всего этого Алянский не знал. Но зато он твердо был уверен в том, что невозможно не любить Блока и как человека, и как поэта. Видимо, эта уверенность Самуила Мироновича невольно передавалась всем тем, с кем он вел переговоры об участии в «Алконосте». Так Алянскому удалось привлечь в издательство Андрея Белого, Вячеслава

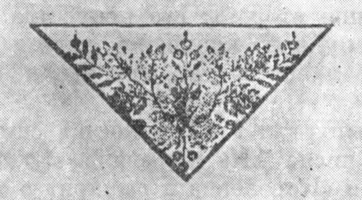
[12] Цит. по: Белов С. В. Издателю и другу. — В мире книг, 1976. № 5, с. 83.

[13] Этот автограф в настоящее время хранится в личном собрании ленинградского литературоведа Л. К. Долгополова.

[14] Цит. по кн.: Судьба Блока. Л., 1930, с. 225.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

СОЛОВЬИНЫЙ САДЪ

Издательство «АЛЬКОНОСТЪ»
Петербургъ
1918

Титульный лист книги А. Блока «Соловьиный сад».

Иванова, Федора Сологуба, Алексея Ремизова, Константина Эрберга, Вильгельма Зоргенфрея, Михаила Гершензона, Анну Ахматову и в конце концов даже Владимира Пяста.

Хотя многие из этих писателей и поэтов принадлежали к символистам, однако не это, пожалуй, было главным, в чем следует искать их сходство. Прежде всего, как отмечал К. А. Федин в своей книге «Горький среди нас», это были люди большого таланта, глубоких и всесторонних знаний, прекрасно знавшие и любившие русскую культуру, русский язык и литературу. Даже в Ремизове, который, казалось бы, стоит особняком от других авторов «Алконоста», Самуил Миронович сразу же почувствовал его настоящую писательскую сущность, названную впоследствии К. А. Фединым «нежностью Ремизова к русской земле»: «Никакая гримаса, никакое юродство или скоморошничество не могли скрыть этой главной серьезной стороны его искусства. Казалось, выросши из подспудных корневищ родины, он сам стал корнем и ушел в землю так, что его не выкорчует никакая сила».[15]

Алянский выпустил в «Алконосте» семь книг Андрея Белого, в том числе «На перевале. 1. Кризис жизни» (1918 г.), сказки «Королевна и рыцари» в оформлении художника Н. Купреянова (1919 г.), поэму «Первое свидание» (1921 г.), четыре книги Алексея Ремизова, в том числе его «Царя Максимилиана» с рисунками Ю. Анненкова (1919 г.), поэму Вячеслава Иванова «Младенчество», «Одну любовь» Федора Сологуба (1921 г.), «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершензона, сборники Анны Ахматовой «Белая стая» (1922 г.), «Чётки» и «У самого моря» в оформлении художника В. Замирайло (1921 г.).

Талантливый русский художник Виктор Дмитриевич Замирайло выполнил для «Алконоста» ряд шрифтовых обложек с небольшим орнаментальным добавлением. Для них характерны четкость и неожиданная архитектоника шрифта, игра черного и белого цвета. «Унаследовав от мирискусников абстрактно-орнаментальную каллиграфич-

---

[15] Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. — Собр. соч. в 10-ти т. (Далее — Собр. соч.). Т. 10. М., 1973, с. 111.

АНДРЕЙ БЕЛЫЙ

ПЕРВОЕ СВИДАНИЕ

ПОЭМА

Алконост. Петербург. 1921.

Титульный лист поэмы А. Белого «Первое свидание».

ность, — пишет А. Ф. Иваненко, — он разработал на ее основе свой четкий, динамичный язык. Будучи по природе отличным декоратором, художник в своих обложках в полную силу блистал техникой искусства шрифта и орнамента. Тонко прочувствованное соотношение шрифта и орнамента, точно уловленные пропорции — все это придавало обложкам остроту и выразительность».[16]

Почти все издания «Алконоста» были тепло встречены литературной критикой, но лишь наиболее проницательные рецензенты сумели увидеть даже в, казалось бы, таких далеких от действительности изданиях, как «Переписка из двух углов», живой пульс современности. «Иному эта переписка в 1920 году может напомнить того ученого, упоминаемого Плинием, — писал поэт и писатель М. Кузмин, — который, во время извержения, занимался научными исследованиями, или константинопольских иерархов, не кончивших богословские споры, когда в Царьград входили уже турки, но дело в том, что переписка касается очень близко настоящей минуты, очень животрепещуща и насущно нужна. Конечно, вопросы, перенесенные в высокую область философии, несколько охлаждаются, но приобретают новую значительность.

Помимо актуальности, истинная радость, всем любящим мысль и искусство, следить за турниром двух утонченнейших умов, оказавшимся без победы того или другого противника ... „Алконост“ изданием этой переписки сделал истинный подарок не только любителям изящных „словопрений“, но всем, умеющим разбирать за гущей действительности планы мировых построений».[17]

Интересна история прозаической книги Алексея Кириллова «Записки Всеволода Николаевича», вышедшей в «Алконосте». Алексей Кириллов — это псевдоним гимназического друга Алянского Георгия Федоровича Кнорре,[18] впоследствии профессора Московского высшего техниче-

---

[16] Иваненко А. Ф. «Сказочник странный». Виктор Дмитриевич Замирайло. — В кн.: Искусство книги 68/69. Вып. 8. М., 1975, с. 56.

[17] Кузмин М. Мечтатели. — Жизнь искусства, 1921, 29 июня—1 июля.

[18] Ср.: Масанов И. Ф. Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. Т. II. М., 1957, с. 61. — Упомянутый псевдоним Г. Ф. Кнорре взял в честь двух своих сыновей — Алексея и Кирилла.

ского училища имени Баумана, человека самой разносторонней одаренности: поэта, прозаика, художника, музыканта. (В свое время Алянский служил в конторе его отца, инженера-мостостроителя Ф. Ф. Кнорре). На всю жизнь Самуил Миронович сохранил дружбу со всеми представителями талантливой семьи Кнорре, и эта дружба не раз согревала его в трудные минуты жизни.

Впрочем, у молодого издателя сложились дружеские отношения со всеми авторами «Алконоста». Чувствуя искреннюю и бескорыстную любовь Алянского к Блоку и русской поэзии, писатели считали Самуила Мироновича не только своим издателем, но и верным другом и помощником. Вот почему на изданиях «Алконоста», подаренных Алянскому авторами, можно увидеть такие дарственные надписи: «Дорогому, нет, не издателю, а другу Самуилу Мироновичу Алянскому в знак искренней любви и преданности. До второго свидания! Андрей Белый. 10 октября 21 года» (автограф на поэме «Первое свидание»);[19] «Милому Самуилу Мироновичу Алянскому на память о зиме 1921—22 г. и нашей общей работе. Ахматова. Март 1922. Петербург.» (автограф на сборнике «Белая стая»).[20]

Авторы «Алконоста» были благодарны Самуилу Мироновичу и за обыкновенную человеческую заботу о них. Ведь многие из них жили в основном на гонорары, которые им высылал Алянский. «Я получил известие от жены: она страшно нуждается. . ., а денег — нет, — пишет Алянскому Андрей Белый в январе 1919 года. — Ну так вот: я обращаюсь к Вам с просьбой: если у Вас есть возможность мне выслать в счет гонорара. . . от 300 до 500 рублей, то выручите меня».[21]

Разумеется, Самуил Миронович выручил Белого. Побывав в Петрограде в феврале 1919 года, Белый затем пишет Алянскому письмо с просьбой, в случае поездки в Москву, непременно захватить оставленный им пакет: «Там — величайшие „ценности“: мои единственные сносные ботинки (хожу — в дырявых); и калоши (хожу — в рваных) . . .».[22]

---

[19] Цит. по: Белов С. В. Издателю и другу, с. 83.
[20] Цит. там же.
[21] А. Белый — С. М. Алянскому, 2 I 1919 г. — ЦГАЛИ, ф. 20, оп. 1, ед. хр. 14, л. 1.
[22] А. Белый — С. М. Алянскому, 28 II 1919 г. — Там же, л. 2.

А между тем сам Алянский часто нуждался не меньше своих авторов. Но он мог и недоедать, а книги с маркой «Алконоста», как правило, были исполнены аккуратно и на хорошей бумаге. Они моментально расходились, становясь сразу же библиографической редкостью. «Я вижу людей, которые рыщут днями, разыскивая то или иное произведение, — писал Андрей Белый Алянскому об изданиях «Алконоста», — ко мне пристают с просьбами дать единственный экземпляр той или иной моей книги „переписать“ ... книги начинают переписывать чуть ли не от руки...».[23]

В марте 1919 года исполнилось девять месяцев с основания издательства «Алконост». В то бурное время девять месяцев были огромным сроком, и поэтому 1 марта 1919 года в квартире Алянского на Троицкой улице, д. 15[24] был торжественно отпразднован юбилей «Алконоста» (само издательство помещалось в книжной лавке на Колокольной).

Первым на юбилей пришел Блок. Он открыл приготовленный Алянским альбом автографов приветствием: «Дорогой Самуил Миронович! Сегодня весь день я думал об „Алконосте“. Вы сами не знали, какое имя дали издательству. Будет „Алконост“, и будет он в истории, потому что все, что начато в 1918 году, в истории будет, и очень важно то, что начат он в июне (а не раньше), потому что каждый месяц, если не каждый день этого года, — равен году или десятку лет. Да будет „Алконост“! 1.03.1919. *Ал. Блок*».[25]

Это — единственная опубликованная пока запись из юбилейного альбома «Алконоста». Остальные до сих пор не публиковались. Среди них особенно интересна вторая, весьма важная запись Блока: «Дорогой Самуил Миронович! Вы хотите стихов. В стихах я мог бы сейчас только смеяться и, может быть, плакать. Но я не хочу смеяться над тем, что не смешно, и плакать над тем, что грозно. Поэтому прошу Вас принять вновь и вновь только прозу. 5 сентября 1920. Александр Блок».[26]

С. М. Алянский вспоминает о юбилее «Алконоста»: «Помимо основных писателей „Алконоста“ — Андрея Бе-

---

[23] Там же.

[24] Ныне — ул. Рубинштейна.

[25] Цит. по: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». — БС, с. 531; см. также: Алянский, с. 92—93.

[26] Личный архив С. М. Алянского.

Милому Самуилу
Мироновичу Алянскому
на память о зиме 1921-22 г.
и нашей общей работе
Ахматова

Март 1922.
Петербург.

Автограф А. Ахматовой на ее сборнике «Белая стая», вышедшем в «Алконосте» в 1922 г.

лого, Иванова-Разумника, А. Ремизова, Константина Эрберга, — было решено пригласить на юбилей некоторых деятелей Театрального отдела Наркомпроса, где в то время работали и Александр Александрович Блок, и я: это были Мейерхольд, известный профессор-пушкинист П. О. Морозов, а также переводчик и театральный деятель Вл. Н. Соловьев».[27]

Многие из приглашенных оставили свои автографы в юбилейном альбоме: «Дорогой Самуил Миронович, в торжественный день празднования „Алконоста" я приношу Вам глубокую благодарность за ту неоцененную энергию, которую Вы проявили, создавая для нас всех дорогое издательство. Пусть процветает наш „Алконост", и мы будем черпать силы для нашего вдохновения. 1 марта 1919 г. Вл. Соловьев».[28]

Вс. Мейерхольд нарисовал в альбоме портрет Мечтателя и написал: «О, Альконост! Один из мечтателей бережет свои силы, чтоб как можно скорее дать хоть две странички своих записок самому энергичному из издателей — Самуилу Мироновичу Алянскому для задуманных Дневников. В. Мейерхольд. 1 марта 1919».[29]

Несколько позже, уже в Москве, куда приезжал Алянский, оставили свои записи Андрей Белый и Вяч. Иванов. Сделав несколько рисунков, изображающих падение «старой эры» и путь лодки «Алконоста» к «новой эре» в «царство духа», Андрей Белый написал: «На чем же нам плыть? На „Алконосте" лежит строгий долг: совершить это плаванье. Самуил Миронович, много бурь впереди: можно сбиться с дороги; оставайтесь же у компаса! Присоединяюсь к приветствующим „Алконост" с одним лишь условием: эти приветствия — не приветствия юбиляру, совершившему плаванье; эти приветствия — в „добрый путь!"... И — вперед! Впереди лежат годы. Андрей Белый. Москва. 8 марта 1919 года».[30]

Большой интерес представляют более поздние дневниковые размышления Блока об идейной платформе изда-

---

[27] Алянский, с. 93.

[28] Личный архив С. М. Алянского.

[29] Там же. — К этому времени у Блока и Алянского зародился замысел выпускать журнал. Первоначально его предполагали назвать «Дневники мечтателей», а выходил он под названием «Записки мечтателей».

[30] Личный архив С. М. Алянского.

тельства «Алконост». «Издательство „Алконост" не стесняет себя рамками литературных направлений, — писал Блок в феврале 1921 года. — Тот факт, что вокруг него соединились писатели, примыкающие к символизму, объясняется лишь тем, что именно эти писатели по преимуществу оказались носителями духа времени. Группа писателей видит размеры развертывающихся мировых событий, наступление которых она предчувствовала и предсказывала».[31]

Не все в работе «Алконоста» шло легко и гладко. Алянскому пришлось преодолеть ряд трудностей и трений, связанных с отсутствием бумаги, с нехваткой типографских рабочих и т. д.

В этот момент на помощь С. М. Алянскому пришли А. М. Горький и А. В. Луначарский. Высоко оценивая талант Блока и внимательно относясь к «Алконосту», они сумели оказать издательству моральную поддержку, а Луначарский — через Литературно-издательский отдел Наркомпроса — и некоторую материальную помощь.[32]

В личном архиве С. М. Алянского сохранился еще один любопытный документ за подписью А. В. Луначарского:

Комиссариат
Народного Просвещения
Зимний Дворец
11 февраля 1919 г.
№ 622

В Военный
Комиссариат
1-го Городского
района

Очень настаиваю на освобождении от воинской повинности тов. С. М. Алянского, ввиду того, что товарищ этот выполняет серьезную культурную работу.

Я стараюсь как можно реже обращаться с такими просьбами и просил бы поэтому серьезно считаться с теми немногими просьбами, которые я посылаю в военные комиссариаты.

Народный Комиссар

А. Луначарский

---

[31] Цит. по: Чернов И. А. Указ. соч., с. 532.

[32] См. об этом: Е. Д. Луначарский, Блок и «Алконост». — ВЛ. 1969, № 6, с. 248, а также высказывание Горького, что книги авторов «Алконоста» «имеют серьезное значение как попытка группы литераторов разобраться в ее отношении к действительности» (А. М. Горький — М. И. Лисовскому, 9 VII 1919 г. — Цит. по: Чернов И. А. Указ. соч., с. 536).

Но кроме Горького и Луначарского, был еще один человек, который на своем скромном посту сделал все от него зависящее для нормального функционирования «Алконоста». «Это было летом 1920 года, — вспоминает Алянский. — Издательство „Алконост“ приготовило к изданию пятый сборник стихотворений Александра Блока „Седое утро“. Для напечатания книги нужно было разрешение, и я отправился за ним в отдел печати Петросовета, на Невский проспект, 12...

Один из сотрудников на вопрос, к кому мне обратиться за разрешением на печать книги, указал на высокого, худощавого молодого человека, стоявшего вдали, и пояснил, что это — секретарь отдела печати, что фамилия его — Федин и что он самолично выдает разрешения.

Фамилия Федина ничего мне не объяснила, я слышал ее впервые. Но должность секретаря отдела печати, которую Федин занимал, говорила, что этот молодой человек отныне будет нашим „начальством“, что от него будет зависеть работа, а может быть, и судьба издательства „Алконост“.

Признаюсь, с некоторой тревогой излагал я секретарю мое несложное дело. Секретарь выслушал меня вежливо и очень внимательно. Он тут же, при мне, сам заполнил печатный бланк разрешения, сам подписал его и передал мне, не познакомившись даже с составом сборника Блока.

Но не успел я оценить оперативность молодого секретаря и спрятать разрешение, как был остановлен его просьбой рассказать о дальнейших планах „Алконоста“...

После моих ответов он буквально засыпал меня вопросами о Блоке... Вопросы Федина были полны преклонением перед поэтом... и ...я охотно рассказал ему все, что знал...».[33]

Так состоялась первая встреча Алянского с будущим замечательным советским писателем Константином Александровичем Фединым. Так родилась их крепкая дружба, продолжавшаяся свыше пятидесяти лет, — дружба, основанная на взаимном уважении к таланту друг друга.[34]

---

[33] Алянский С. М. Первая встреча. — В кн.: Творчество Константина Федина. Статьи. Сообщения. Документальные материалы. Встречи с Фединым. Библиография. М., 1966, с. 439—440.

[34] Ср., например, письмо С. М. Алянского литературоведу и этнографу М. А. Сергееву от 9 августа 1940 г.: «Мне случайно удалось прочесть новый роман Федина „Санаторий «Арктур»“

Изящно изданные книжечки «Алконоста» принесли Алянскому заслуженную славу. Писатель Владимир Лидин вспоминает о книгах «Алконоста» и об их издателе: «Самуил Миронович Алянский был человеком удивительной скромности. Можно сказать, что скромность его была принципиальной. Он понимал, конечно, что все же сделал кое-что, сумел в холодном, голодном Петербурге двадцатых годов, с разоренными типографиями и почти без бумаги, издавать книги, марка на которых „Алконост" свидетельствовала, что это не проходные книги; они отличались еще и тем, что были изданы со вкусом, в обложках или с рисунками лучших художников, на остатках где-то раздобытой превосходной бумаги, вроде немыслимого в ту пору верже.

Однажды, когда Самуил Миронович побывал у меня, принес в подарок свою отличную книгу воспоминаний „Встречи с Александром Блоком", я показал ему маленький, сохранившийся у меня каталог издательства „Алконост"и попросил надписать его мне.

Алянский задумался.

— Я ведь не автор.

Но вы — издатель, — сказал я.

Он все же усомнился, однако надписал: „Книголюбу от издателя и автора", признав, что каталог составлен все же им. . . Но мне кажется, что и свою книгу о встречах с Блоком Алянский написал, не очень-то легко преодолев, что в мемуарах приходится говорить о себе, а говорить о себе он не любил.

Я много раз убеждал Алянского, что он должен написать о тех годах, когда существовал „Алконост", но Самуил Миронович всегда как-то затруднялся, говорил неопределенно: „Да надо бы, конечно", но так, видимо, и не написал. Написать об этих годах — значило бы вспомнить и о том, как много энергии, сил, бескорыстной любви к литературе вложил он в своего рода издательский подвиг, но никаких особых заслуг Алянский не при-

---

в 4—5 книге „Нового мира". Потрясающая вещь. Я получил книжку на один вечер и прочел ее залпом. Мне показалось, что эта вещь, пожалуй, лучшая вещь Федина и во всяком случае на уровне лучших вещей его „Трансвааль" и „Старик". А написано как! Слова не выкинешь и не добавишь. И что самое замечательное — прозрачный, чистый, чудесный язык. Я не дождусь, когда выйдет книжка, — куплю и буду не один раз перечитывать ее» (ОРиРК ГПБ, ф. 1109, ед. хр. 1577, л. 3).

знавал за собой. Был молод — конечно, любил литературу — бесспорно, дружил с Александром Блоком — этого из биографии Блока не выкинешь. Ну, а в остальном — издавал по мере возможности книги, каталог перед вами, совсем маленький, с ладонь каталог. Но сколько имен писателей — Вячеслав Иванов, Ремизов, Сологуб, Анна Ахматова, Анна Радлова, Юрий Верховский... И я жалею теперь, что не собирал в свою пору эти книжечки, не сохранил и „Младенчества“ Вячеслава Иванова, и „Соловьиного сада“ Блока, и „Царя Максимилиана“ Ремизова, и ставших ныне библиографической редкостью „Записок мечтателей“. А когда однажды очень насели на Алянского с воспоминаниями, он описал шутливую сцену в Книжной лавке писателей, где один из страстотерпцев-книголюбов нашел давно разыскиваемый им „Лимонарь“ Алексея Ремизова и шумно возликовал от радости.[35] Прочитав эту сценку, я подумал — Алянский наверно пожалел тогда, что не он издал эту книжечку, ибо что может доставить большее удовлетворение издателю, чем поиски читателями изданной им книги.

Самуил Миронович много делал и в последние годы своей жизни, работал в издательстве „Детская литература“, где несомненно ценили его опыт и вкус, и обычно, когда я приглашал его к себе, отвечал: „Трудно мне стало выходить по вечерам“. Но однажды он все-таки пришел, постоял перед книжным шкафом, в котором были хорошие книги, глубоко вздохнул: „Эх, книги, книги!“. Но в этом заключалось все, что мог сказать он об этом удивительном творении, которому посвятил свою жизнь, а в марке издательства „Алконост“ заключены и время, и биография Александра Блока, и сам Самуил Миронович Алянский, никогда не ставивший себе ничего в заслугу... Сделаем же это мы в благодарную память о нем».[36]

...Всего в «Алконосте» Алянский выпустил около 50 книг, в том числе почти все послереволюционные произведения Александра Блока. Издание произведений великого русского поэта — самая главная заслуга Алянского перед советской литературой.

---

[35] Эти воспоминания Алянского посмертно опубликованы. См.: Алянский С. М. Сценка в книжном магазине. — В кн.: Альманах библиофила. Вып. 2. М., 1975, с. 259—260.

[36] Лидин В. Г. Автор «Алконоста» (рукопись). — Личный архив С. В. Белова.

Несколько лет тому назад известный советский литературовед В. Н. Орлов отмечал: «В 1918 году, совсем юным человеком, С. М. Алянский учредил издательство „Алконост“, в котором вышли почти все книги Александра Блока, появившиеся после Октябрьской революции. Уже одно это составляет неотъемлемую заслугу С. М. Алянского перед русской культурой».[1]

Произведения Блока составляют более трети всей продукции издательства. Бесспорно, на первом месте среди этих изданий следует поставить поэму «Двенадцать» с рисунками Юрия Павловича Анненкова (1918 г.). «С Юрием Анненковым я был знаком с детских лет, он был на два класса старше меня, — вспоминает Алянский. — В гимназии Анненков отличался веселыми и острыми, очень смешными карикатурами на товарищей и учителей. По окончании гимназии он поступил в Петербургский Университет и одновременно занимался рисованием в частной студии, а через несколько лет уехал в Париж совершенствовать свое искусство у французского художника Валлоттона.

Одаренный от природы склонностью к карикатуре и острому портрету, Анненков достиг в этой области успехов и признания, но успехи эти его не удовлетворяли. Кипучий темперамент бросал художника от одного вида изобразительного искусства к другому. В каких только областях изобразительного искусства Анненков не испробовал своих сил! Он участвует в выставках живописными полотнами, иллюстрирует книги, пишет портреты любой техникой, делает карикатуры для журналов. Не избежал Анненков и увлечения театральным искусством: он ставит в Эрмитажном театре инсценировку „Скверного анекдота“ Достоевского как режиссер и декоратор, выступает постановщиком и оформителем массового народного зрелища на Дворцовой площади Петрограда и пр., и пр.

Анненков отдал дань почти всем художественным направлениям первых лет Революции. . ., довольно скоро завоевал признание и занял заметное положение среди мо-

---

[1] Орлов В. Н. Еще одна встреча с поэтом. — Лит. газета, 1970, 5 авг.

лодых художников, тяготевших к „левым“ течениям в изобразительном искусстве.

Предлагая Александру Александровичу поручить иллюстрации к „Двенадцати“ Анненкову, я знал, что Блок отнюдь не является поклонником „левых“ направлений в искусстве».[2]

В своей книге «Встречи с Александром Блоком» Алянский подробно рассказал об истории создания Анненковым рисунков к «Двенадцати». Самуил Миронович сообщил, что первые эскизы с непонятными кубистическими знаками его настолько озадачили, что он просто побоялся показать их Блоку. И только новые эскизы он решился отнести поэту. Блоку рисунки в целом понравились, и он написал Ю. Анненкову доброжелательное письмо, высказав отдельные замечания о героях поэмы Катьке и Петьке и об образе Христа.[3]

Но, рассказав подробно об истории рисунков Анненкова, Самуил Миронович «забыл» по скромности упомянуть, что именно он в решающий момент «подтолкнул» художника к окончательному завершению рисунков. «Глубокоуважаемый Юрий Павлович! Отсутствие от Вас рисунков и вестей вынуждает меня обратиться к Вам с покорнейшей просьбой уведомить меня, но по возможности немедленно, дадите ли Вы Ваши рисунки к „Двенадцати“, или Вы раздумали, — писал Алянский Анненкову через несколько дней после письма Блока. — Вы понимаете, что это мне небезынтересно, так как если издаваться будет, необходимо на сей предмет очистить средства, нужно публиковать подписку и вообще нужно сделать массу работы. Несмотря на Ваше обещание и мои к Вам мольбы, я до сих пор не могу добиться толку.

Думалось мне, что отзыв А. А. Блока Вас сильнее толкнет; на самом же деле теперь получается картина,

---

[2] Алянский С. М. Об иллюстрациях к поэме А. Блока «Двенадцать». (Глава из воспоминаний). Публикация, вступительная заметка и комментарий З. Г. Минц. — БС, с. 443—444.

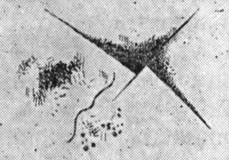
[3] См.: А. А. Блок — Ю. П. Анненкову, 12 VIII 1918 г. — Собр. соч. в 8-ми т. (далее — Собр. соч.). Т. 8. М.—Л., 1963, с. 513—514. — *Кубизм* — модернистское, буржуазно-индивидуалистическое течение в изобразительном искусстве 1-й четверти XX века. Его сторонники, порвав с традициями реалистического искусства, увлекались формальными задачами — геометризацией форм, конструированием объемной формы на плоскости — в ущерб изобразительно-познавательной стороне искусства.

АЛЕКСАНДРЪ БЛОКЪ

ДВѢНАДЦАТЬ

рисунки

Ю. АННЕНКОВА

«АЛКОНОСТЪ»

ПЕТЕРБУРГЪ

1918

Обложка поэмы А. Блока «Двенадцать».

что издавать Вы раздумали. Если это так или иначе, я должен об этом знать, а посему очень прошу сразу мне написать о Ваших планах насчет „Двенадцати“...».[4]

Поэма «Двенадцать» с отличными иллюстрациями Анненкова вышла в «Алконосте» в конце 1918 года. Рисунки художника прекрасно сочетались со стилем поэмы Блока, были близки ей по манере выражения и стали такими же неотделимыми от нее, как иллюстрации Агина и Боклевского от «Мертвых душ» Н. В. Гоголя. А. А. Сидоров — крупнейший впоследствии советский искусствовед и книговед, член-корреспондент Академии наук СССР — писал в 1922 году: «...относительно Ю. Анненкова, автора иллюстраций к „Двенадцати“ Блока, та же логика книжной формы потребует самого безоговорочного признания и привета. Вся конгениальность иллюстраций Анненкова к Блоку выступает особо разительно при сравнении петербургского издания с двумя заграничными вариантами „Двенадцати“, выполненными зарубежными представителями нашей графики. Берлинское издание „Двенадцати“ с рисунками В. Н. Масютина, хотя и недостойно по некоей небрежности и беглости своего строгого мастера, то все же лучше парижского издания блоковской поэмы с довольно беспомощно-беспредметными композициями М. Ф. Ларионова...».[5]

Экземпляр «Двенадцати» Алянский и Анненков преподнесли А. М. Горькому, который очень доброжелательно отнесся к этому изданию и вообще к деятельности «Алконоста».[6]

Издание «Двенадцати» с рисунками Анненкова — большая заслуга Алянского перед советским полиграфическим искусством. Высокой книжной культурой отличались и другие издания произведений Блока, вышедшие в «Алконосте»: «Песня судьбы» (художник А. Головин, 1919 г.), «Ямбы» (художник Н. Купреянов, 1919 г.), «Седое утро» (художник А. Лео), сборник статей «Россия и интеллигенция», «Катилина» (1919 г.), «Послед-

---

[4] С. М. Алянский — Ю. П. Анненкову, 17 VIII 1918 г. — ЦГАЛИ, ф. 2618, оп. 1, ед. хр. 24, л. 1.

[5] Сидоров А. А. Русская графика в годы революции. — Печать и революция, 1922, № 7, с. 116—117.

[6] См.: Блок А. А. Дневник 1919 года. — Собр. соч. Т. 7. М.—Л., 1963, с. 351—352; см. также: Орлов В. Н. Примечания. — Там же, с. 511, прим. 1.

Александру Александровичу
Блоку
искреннему благожела-
телю „Алконоста"

Издательство „АЛКОНОСТЪ".

на добрую память
С. Алянский
25/IX 1918 г.

Автограф С. М. Алянского на одной из книг «Алконоста».

ние дни императорской власти» (художник В. Замирайло, 1921 г.), «Двенадцать. Скифы» (1918 г.) и собрание сочинений Блока, которое Алянский начал выпускать после смерти совместно с берлинским издательством «Эпоха».

Однако для нас сейчас не менее важен и общественный резонанс послереволюционных произведений Блока, изданных Алянским. Как известно, первым откликом Блока на Октябрьскую революцию явилась статья «Интеллигенция и революция»,[7] в которой он писал: «Дело художника, *обязанность* художника — видеть то, *что* задумано... Что же задумано? *Переделать все.* Устроить так, чтобы все стало новым; чтобы лживая, грязная, скучная, безобразная наша жизнь стала справедливой, чистой, веселой и прекрасной жизнью... Всем телом, всем сердцем, всем сознанием — слушайте Революцию».[8]

За эту статью на Блока ополчилась почти вся тогдашняя буржуазная пресса. Критик Ю. Айхенвальд в статье «Псевдо-революция» обвинил Блока в «кощунстве», «цинизме», «сухости сердца».[9] Поэт Вадим Шершеневич в грубой статье «Вдруг революционное» «обличил» Блока, а также Маяковского в «заискивании» перед Советской властью и в хамелеонстве.[10] Но дальше всех в своем раздражении на Блока зашла Зинаида Гиппиус. В фельетонах «Люди и нéлюди»[11] и «Неприличия»[12] она отказывала поэту в праве называться человеком.

И вот в 1919 году в сборнике статей Блока «Россия и интеллигенция» Алянский снова печатает статью «Интеллигенция и Революция». Именно в издательстве «Алконост» впервые вышло очень злободневное и актуальное историческое эссе Блока «Катилина. Страница из истории мировой революции», о котором тепло отозвался А. М. Горький,[13] а Андрей Белый, прочитав «Катилину», писал Блоку: «Брошюра произвела на меня сильнейшее впечатление; в ней есть то, что именно нужно

---

[7] Знамя труда, 1918, 19 янв.

[8] Блок А. А. Интеллигенция и революция. — Собр. соч. Т. 6. М.—Л., 1962, с. 12, 20.

[9] Накануне, 1918, № 4.

[10] Раннее утро, 1918, 28 марта.

[11] Новые ведомости, 1918, 10 апр.

[12] Современное слово, 1918, 16 июня.

[13] См.: Блок А. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, с. 451.

сейчас: монументальность, полет и всемирно-исторический взгляд, соединенный с тончайшими индивидуальными переживаниями...».[14]

Особо следует остановиться на таком редчайшем издании «Алконоста», как книга «Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок». Книга возникла в процессе работы Блока с мая 1917 года как одного из литературных редакторов стенографического отчета Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц». Еще работая в комиссии, Блок писал 18 мая 1917 года матери, что он все более погружается «в историю этого бесконечного рода русских Ругон-Маккаров, или Карамазовых... Этот увлекательный роман с тысячью действующих лиц и фантастических комбинаций, в духе всего более Достоевского, ... называется историей русского самодержавия XX века».[15]

Книга Блока была встречена несколькими положительными отзывами. «Умело использовать такой глубоко драматический материал, как документы о конвульсиях издыхающего царизма, — писал советский историк революционного движения С. Я. Штрайх, — не всякому под силу. А. А. Блок счастливо избег одной из самых больших опасностей для историка такой богатой событиями эпохи — он сумел сжать свой очерк и выбрал почти одно только типичное для характеристики отжившего строя, отверг все анекдотическое, все пестро глумящее, все бульварно-манящее».[16]

Высоко оценил книгу Блока М. М. Пришвин: «В этой небольшой книге по-видимому нет ничего Блоковского, и только опытный читатель узнает в ней поэта в изысканной отчетливости выступающих фактов. Правда, у настоящего поэта (если уж он возьмется за это) факт бывает фактичнее, чем у людей, живущих в мире обыкновенного здравого смысла... Едва ли в какой-либо книге факт бу-

---

[14] А. Белый — А. Блоку, 12 III 1919 г. — В кн.: Александр Блок и Андрей Белый. Переписка. М., 1940 (Гос. Литературный музей. Летописи. Кн. 7), с. 340.

[15] А. Блок — матери, 18 V 1917 г. — Собр. соч. Т. 8. М.—Л., 1963. с. 493.

[16] Жизнь искусства, 1920, 5 окт.

дет окружен обаянием своей фактичности — так чисто, отчетливо он выступает у Блока. Почему так? А потому, что эта книга все-таки вытекает из Блока, и если мы видим в ней аршин, то этот аршин не „свой аршин“ (всякий меряет на свой аршин), а тот особенный, святой, которым мерил и Леонардо свои фигуры».[17]

Поэма Блока «Двенадцать» бессмертна, как гениальный памятник революционного искусства. Но Алянский не только издал эту поэму с иллюстрациями Анненкова. Он выпустил ее также вместе со стихотворением «Скифы». Конечно, Самуил Миронович объединил в одну книгу и поэму и стихотворение по просьбе Блока, так как «Скифы» дополняют «Двенадцать»: в поэме — картина крушения старого мира, в стихотворении — прогноз будущего России. Если в «Двенадцати» запечатлено столкновение ненавистного поэту старого мира с новым миром, воплощенным в образах двенадцати красногвардейцев, то «Скифы» проникнуты утверждением земной исторической миссии революционной России, обличением буржуазной цивилизации.

Все больше и больше проникался Блок симпатией и уважением к своему издателю. На книгах Блока, выпущенных «Алконостом» и подаренных поэтом Алянскому, можно прочесть трогательные надписи: «Самуилу Мироновичу Алянскому — милому издателю»; «Дорогому Самуилу Мироновичу Алянскому на память»; «Дорогому Самуилу Мироновичу Алянскому с искренним приветом от автора», и т. д.[18]

Неоднократно — и в личной, и в официальной переписке — Блок отмечал, что «художественное лицо и[здательст]ва „Алконост“» ему «весьма близко»,[19] что он хотел бы печататься в издательстве «Алконост», как «наиболее близком по духу к символической школе, к которой он всегда принадлежал».[20]

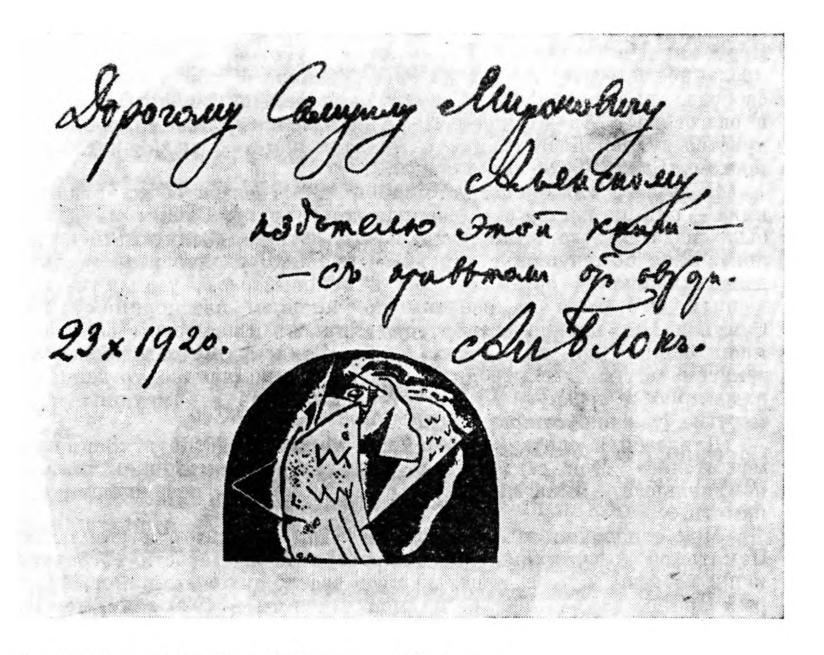
---

[17] Пришвин М. «Последние дни императорской власти... Петербург, 1921 г.» [рец.]. — В кн.: Феникс. Сб. художественно-литературный, научный и философский. Кн. 1. М., 1922, с. 177—178.

[18] Книги сохранились в личной библиотеке С. М. Алянского.

[19] Заявление Блока 15 января 1921 г. «В Ред[акционную] Коллегию Петербургского Отдел[ения] Гос[ударственного] и[здательст]ва» (цит. по: Чернов И. А. А. Блок и книгоиздательство «Алконост». — БС. с. 534).

[20] А. Блок — И. Ионову, 7 II 1921 г. Черновик письма хранится в ИРЛИ АН СССР (ф. 654, оп. III, № 6, л. 2), беловой вариант —

Автограф А. Блока на его сборнике «Седое утро».

Блок почувствовал, что Самуил Миронович не просто его издатель. Он понял, что этот человек, всегда в любую минуту готовый прийти ему на помощь, искренне любит его поэзию. «Мало я знал в своей жизни людей, способных так горячо ненавидеть всякое лицемерие, ханжество, всякую пошлость, безвкусицу, фальшь, — писал об Алянском К. И. Чуковский. — Недаром к нему так прилепился душой непреклонно суровый Блок. Нужно было слышать, каким уважительным голосом произносил его имя великий поэт: „Самуил Миронович сказал“, „Я слышал от Самуила Мироновича“...».[21]

Поэтесса Надежда Александровна Павлович в письме автору этой книги вспоминает:

в коллекции известного ленинградского библиофила М. С. Лесмана. И. Ионов заведовал в то время Петроградским отделением Госиздата.

[21] Запись К. И. Чуковского в альбоме, посвященном 70-летию С. М. Алянского. — Личный архив С. М. Алянского.

Самуила Мироновича Алянского я узнала летом 1920 года. Познакомилась я с ним у Александра Александровича Блока. Первое впечатление от Алянского — глубокая, тихая и чистая преданность Блоку, удивительная скромность и в то же время свобода, никакого наигрыша, никакой фальшивой ноты. Всегда, в разговоре с Александром Александровичем, были у Алянского чувство духовной дистанции и трогательная любовь. Может быть, поэтому Блоку было легко с ним...

Я думаю, что наиболее точно можно сказать об их отношениях — они по-настоящему верили друг другу. Общим их делом было издательство «Алконост» и его детище «Записки мечтателей». Блок был душой и основным идейным вдохновителем этого дела, Алянский — организатором и исполнителем, умным и сердечным. Это было не рабским подчинением неоспоримому для Самуила Мироновича авторитету, а живым творческим воплощением общих для них обоих идей. «Записки мечтателей» — это записки мечты и внутренней свободы, приемлющие тогдашнюю радостную и грозную жизнь, отбрасывающие все механическое, мертвое, условно-литературное...

Для себя я считаю величайшей честью участие в «Записках мечтателей». Мои стихи отдал туда Блок, и мои же стихи — поминальные — были напечатаны там в номере, посвященном его памяти...

Мои отношения с Алянским не были близкими, но теплыми. Память об Александре Александровиче и в старости согревала наши встречи. Помню я целый куст светло-лиловых цветов, который принес мне Алянский на мои именины в 1920 году, помню я и наши встречи в Доме творчества в Дубулты, где оба мы часто одновременно отдыхали, помню радость от его бесхитростной и достойной книги воспоминаний о Блоке, где все достоверно до последнего слова.

Мне хочется еще сказать о любви и доверии к Алянскому двух самых близких к Блоку людей — его матери и его жены. Мать была спокойна, когда Алянский сопровождал куда-нибудь Александра Александровича, например в последнюю поездку поэта в Москву. Жена, которая во время предсмертной болезни его не допускала к нему почти никого из знакомых, делала для Алянского исключение. Тем дороже его воспоминания, хватающие за душу, — о последних днях поэта, о том, как при нем тот уничтожил многое в своем архиве, и о донесшемся из комнаты рыдании поэта. Только благодаря Алянскому мы можем до конца проследить эти страдальческие последние дни. И только благодаря Алянскому навеки осталось первое издание «Двенадцати» с иллюстрациями Ю. Анненкова, одобренное автором. От этой книги Блок не отрекся, как не отрекся от революции.[22]

В своей книге «Встречи с Александром Блоком» Алянский подробно рассказывает о поездке вместе с Блоком в Москву в мае 1920 года, когда поэт выступил с чтением

---

[22] Н. А. Павлович — С. В. Белову, 13 IV 1976 г. — Личный архив С. В. Белова.

своих стихов на литературном вечере в Политехническом музее. Однако, описав этот вечер и приведя в книге много редких фотографий Блока той поры, Самуил Миронович по скромности не упомянул об одном факте и не привел одну фотографию, которую много лет хранил как самую дорогую реликвию. Оказывается, сразу же после возвращения из Москвы Блок, тронутый искренней заботой о нем Алянского во время поездки, подарил Самуилу Мироновичу свою фотографию с надписью: «Дорогому Самуилу Мироновичу Алянскому на память о поездке в Москву в мае 1920 года. С дружеским рукопожатием. *Ал. Блок*».[23]

Самуил Миронович действительно был единственным человеком, не считая жены поэта, кого Блок хотел видеть в последние дни своей жизни. «В начале болезни к нему еще кой-кого пускали, — вспоминает тетка поэта М. А. Бекетова. — У него побывал Е. П. Иванов, А. А. Дельмас, но эти посещения так утомили больного, что решено было никого больше не принимать, да и сам он никого не хотел видеть. Один С. М. Алянский имел счастливое свойство действовать на Ал[ександра] Ал[ександровича] успокоительно, и потому доктор позволял ему иногда навещать больного. Остальные друзья лишь справлялись о здоровье Ал[ександра] Ал[ександровича]».[24]

«Три года в моей жизни — срок небольшой, арифметически это всего четыре сотых всей жизни, — писал Алянский К. И. Чуковскому из Ленинграда в дни, когда отмечалось 80-летие со дня рождения Блока. — А вот три с лишним года, т. е. больше тысячи дней рядом с Ал. Ал. Блоком, — это целая жизнь, это больше нормальной жизни».[25]

Много лет Самуил Миронович думал о том, как рассказать людям об этих трех, самых счастливых годах своей жизни. «Через всю сознательную жизнь я пронес дружбу Блока, как самый высокий и ценный подарок», — признавался Алянский через сорок лет после смерти

---

[23] См.: Белов С. В. Автограф А. Блока. — Нева, 1976, № 3, с. 220.

[24] Бекетова М. А. Александр Блок. Биографический очерк. Пб., 1922, с. 296.

[25] С. М. Алянский — К. И. Чуковскому, 11 XII 1960 г. — ОР ГБЛ, Архив К. И. Чуковского.

поэта.[26] Это рыцарское служение памяти великого поэта и помогло Самуилу Мироновичу создать удивительные по чистоте воспоминания «Встречи с Александром Блоком», отдельные главы которых первоначально появились на страницах «Нового мира».[27]

«В этих воспоминаниях впервые я увидел Блока живым, — писал Алянскому старейший советский писатель И. С. Соколов-Микитов. — Встречать живым Блока мне не приходилось. Самое замечательное в Ваших воспоминаниях — их полная искренность и простота. Вы нигде не рисуетесь, не выставляете себя самого, как это делают почти все современные мемуаристы. Вы даже как будто конфузитесь, скромно, точно и ясно описывая свидания с Блоком, печальную его смерть, единственным близким свидетелем которой Вам одному пришлось быть. Еще раз спасибо за чудесные воспоминания Ваши!».[28]

«Только на днях прочел Ваши воспоминания, ... и до сих пор не прошло вызванное ими волнение, — писал Самуилу Мироновичу известный литературовед Д. Е. Максимов. — Очень хорошо, человечно, выпукло, честно, достоверно, нежно. О Блоке писали многие блестящие люди, но Ваши воспоминания, пожалуй, самые человечные во всем этом ряду, не всегда человечном. Поздравляю Вас с большим успехом... Радуюсь, что написали это именно Вы — лучший человек среди тех, кого объединяет имя Блока».[29]

Все книги Блока, как правило, выходили в «Алконосте» тиражом в несколько тысяч экземпляров. По тем временам это считалось много. В 1960 году в Государственном издательстве «Художественная литература» вышел тиражом в 200 тыс. экземпляров первый том нового восьмитомного собрания сочинений Блока. Узнав об этом, Самуил Миронович послал радостное письмо составителю тома Вл. Н. Орлову. Алянский писал, что Блок принял бы такой фантастический тираж своих стихотворений за шутку. А когда на вечере в Литературном музее,

---

26 Там же.

27 Алянский С. М. Встречи с Блоком. (Из записок издателя). Предисл. К. Федина. — Новый мир, 1967, № 6, с. 159—181.

28 И. С. Соколов-Микитов — С. М. Алянскому, 19 VII 1967 г. — Личный архив С. М. Алянского.

29 Д. Е. Максимов — С. М. Алянскому, 24 IX 1967 г. — Там же.

посвященном памяти Блока, Вл. Н. Орлов сказал, что издание произведений великого поэта — огромная заслуга Алянского перед русской литературой, то присутствовавший на вечере Самуил Миронович растрогался до слез.

А ведь были еще «Записки мечтателей», «Серапионовы братья» и целый ряд других изданий...

ОТ «ЗАПИСОК МЕЧТАТЕЛЕЙ» К «СЕРАПИОНОВЫМ БРАТЬЯМ»

«В начале 1919 года „Алконост" решил приступить к изданию своего журнала, — вспоминает Алянский. — Долго между писателями Петербурга и Москвы обсуждался вопрос о характере журнала и в конце концов все согласились на том, что он должен носить характер дневников писателей, а название ему было дано „Записки мечтателей".

Возник вопрос об обложке. Казалось неуместным давать к этому изданию конструктивистскую или кубистскую обложку (что было тогда модным). Посоветовавшись с Блоком, мы решили воспользоваться воскресными поездками Мейерхольда к Головину в Царское Село и просить крупнейшего театрального декоратора сделать нам обложку к „Запискам мечтателей"».[1]

В 1919 году в обложке, выполненной по эскизу А. Я. Головина, вышел в издательстве «Алконост» первый номер журнала «Записки мечтателей». Всего С. М. Алянский выпустил шесть номеров этого интересного издания. В «Записках мечтателей» увидели свет произведения А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, А. Ахматовой, А. Ремизова, Н. Павлович, К. Чуковского, М. Гершензона, М. Шагинян, В. Зоргенфрея, Ф. Сологуба.

Программу нового журнала Алянский изложил в письме Блоку:

...Первоначальная мысль: интимный круг лиц, интимная тема, останется, вероятно, мыслью, так как журнал не будет жизненным, не будет иметь материала...

---

[1] Алянский С. М. Воспоминания о художниках книги. (Публикация С. В. Белова). — Байкал, 1976, № 2, с. 144—145.

Мне кажется, что физиономия журнала должна складываться самой жизнью. В зависимости от того, как будут «Мечтатели» воспринимать то или иное явление жизни, будет определяться и путь журнала.

История и будущее поколение будет искать по разным документам — что и как переживали в эти дни люди с острейшим восприятием, люди, одаренные талантом передачи этих восприятий. «Двенадцатью» Вы уже сказали, что Вы могли бы сказать в тысяче различных «Двенадцати», и каждое из них было бы бесконечно дорого, так как газетные фактики, статеечки и фельетончики жизнь сотрет, а художественные произведения — никогда. Преступление, когда Вы, художники, призванные украшать жизнь, молчите...

Мне хочется только сказать, что «Записки мечтателей» потому и называются «Дневниками писателей», что писатель на этих страницах записывает то, что привлекло его внимание. Почему впечатление от театра или от книги менее ценно, чем впечатление от боя или бури? Почему впечатление уличной встречи менее ценно впечатлений растительной природы? ...

«Записки мечтателей» допускают на своих страницах всё, что от «мечтателей» — вот физиономия (полагается, что мечтатель — художник). Только тогда существование «Записок мечтателей» будет оправдано, когда художники займутся своим делом..[2]

В тот же день в письме к Андрею Белому Алянский признавался, что выпуск «Записок мечтателей» для него сейчас важнейшая и единственная цель, а печатаемые в журнале «Записки чудака» Белого — «новая страница в литературе», и он (Алянский) «всеми силами будет помогать» Белому «эту страницу разворачивать».[3]

Шестой и последний номер «Записок мечтателей» был особенно дорог Алянскому. Он посвятил его памяти Блока. Самуил Миронович предпринимает огромные усилия, чтобы собрать в этот номер всех писателей, знавших и любивших великого поэта.

Труды Алянского не пропали даром. «Записки мечтателей» были тепло встречены критикой. «Третья глава „Возмездия“ Блока и вступление к поэме («Младенчество») Вяч. Иванова принадлежат к страницам, вполне достойным этих прекраснейших поэтов, — оценивал М. Кузмин второй и третий номера «Записок мечтателей». — То же можно сказать и о рассказах Ремизова,

---

[2] С. М. Алянский — А. А. Блоку, 19 II 1919 г. — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 2, ед. хр. 21, л. 2.

[3] С. М. Алянский — А. Белому, 19 II 1919 г. — Там же, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 149, л. 2.

лучших за последние годы».[4] В журнале «Печать и революция» критик А. Я. Цинговатов отметил большое общественное значение воспоминаний А. Белого о Блоке, напечатанных в шестом номере «Записок мечтателей».[5]

«Работа в издательстве „Алконост“ давала мне одно духовное удовлетворение, — пишет Самуил Миронович в автобиографии, — мне пришлось для заработка одновременно работать еще в двух издательствах: в Издательстве Театрального отдела Наркомпроса и в Издательстве Отдела изобразительных искусств того же Наркомпроса».[6]

Работой в этих издательствах Алянский был обязан прежде всего члену коллегии Театрального отдела (ТЕО) и председателю его Репертуарной секции Александру Блоку и заместителю заведующего ТЕО Всеволоду Мейерхольду.

Блок был в числе первых деятелей культуры и науки, откликнувшихся на призыв Советской власти сотрудничать с нею. «Декреты большевиков, — писал великий поэт 14 января 1918 года, — это символы интеллигенции».[7] С марта 1918 года Александр Блок начинает постоянно работать в репертуарной секции ТЕО Наркомпроса. Эта секция должна была обеспечить государственные, коммунальные и самодеятельные театры таким репертуаром, который воспитывал бы зрителя в духе высокой человечности, гражданственности и революционных идеалов.

Вс. Мейерхольд, будучи заместителем заведующего ТЕО, настойчиво проводил идею демократизации театра посредством широкого использования народных, «низовых» форм и жанров. «Горячее стремление Мейерхольда создать театр для народа, его отрицание эпигонского буржуазного театра привлекало Блока», — справедливо указывает Ю. К. Герасимов.[8] Александр Блок поддержал

---

[4] Кузмин М. Мечтатели. — Жизнь искусства, 1920, 29 июня—1 июля.

[5] Цинговатов А. Я. Записки мечтателей. № 6. «Алконост». Пб. 1922. [Рец.] — Печать и революция, 1922, № 7, с. 298.

[6] Автобиография, л. 2.

[7] Блок А. Интеллигенция и революция. — Собр. соч. Т. 6. М.—Л., 1962, с. 8.

[8] Герасимов Ю. К. Александр Блок и советский театр первых лет революции (Блок в Репертуарной секции Театрального отдела Наркомпроса). — БС, с. 329. См. также: Золотниц-

мысль А. В. Луначарского об инсценировании социальных романов. Репертуарная секция ТЕО Наркомпроса наметила к инсценировке «Боги жаждут» А. Франса, «Овод» Э. Л. Войнич, «Когда спящий проснется» Г. Уэллса, «Железную пяту» Дж. Лондона, «В огне» А. Барбюса, «Джунгли» Э. Синклера, «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса, «Тиля Уленшпигеля» Ш. де Костера.[9]

По предложению Мейерхольда было решено каждую издававшуюся пьесу снабжать вступительной статьей и режиссерскими замечаниями о декорациях, костюмах, гриме и характерах героев. Однако во второй половине декабря 1918 года в условиях растущего книжного голода Мейерхольд решил начать издавать пьесы без предисловий и режиссерских замечаний, так как их составление задержало бы выход пьес в свет.

Одновременно под руководством Блока в библиотеке Александринского театра[10] шел пересмотр пьес, не пропущенных в свое время царской цензурой и накопившихся за много лет. В этом обширном материале было много не только забытых, но и вовсе незнакомых пьес, никогда никем не прочитанных. Те из пьес, которые Блок и Мейерхольд отбирали для опубликования, Алянским незамедлительно издавались.

Но и это не спасало издательское бюро Театрального отдела Наркомпроса от острой нехватки пьес. С. М. Алянский развил бурную деятельность по закупке пьес у частных издательств и просил предоставлять в распоряжение Издательского бюро ТЕО Наркомпроса книги из конфискованных у буржуазных издателей книжных складов для просмотра. В мае 1919 года он сообщает уехавшему в Москву В. Э. Мейерхольду:

Дорогой Всеволод Эмильевич!

Спешу уведомить, что 150.000 руб. экспедиционное бюро не получило, — между тем мы начали уже закупку книг. Быть может, Вы толкнете кого нужно. Теперь еще можно кое-что купить, а после в этом отношении будет значительно хуже.

кий Д. И. Театральный Октябрь. Программа и творчество. Автореф. докт. дис. Л., 1975.

[9] См.: Герасимов Ю. К. Указ. соч., с. 329.

[10] Ныне — Государственный академический театр драмы им. А. С. Пушкина.

На днях Чрезвычайная Комиссия предоставила нам реквизированный склад пьес издательства «Театральные новинки». Пока взяли один воз, причем 90% этих пьес, вероятно, в продажу пустить нельзя, так как это исключительно фарсики пошлого характера; попадаются, впрочем, и подходящие. Пьесы все дал для отзыва в Репертуарную секцию.

Если бы были у нас средства, здесь в Питере можно купить довольно много и пьес, и интересных по театру книг не только для нас, но и для Московского книжного склада. Кстати, проберите частным образом книжный склад; до сих пор не выслали нам обратно упаковочный материал. Что это: саботаж или недомыслие?

Головин сделал обложку к «Песне Судьбы», обложка очень хороша.

Пока крепко жму Вашу руку и желаю Вам всего, всего хорошего. Привет Ольге Михайловне.

Любящий Вас *С. Алянский*.[11]

С именем Блока и Мейерхольда связано также участие Алянского в журнале «Красный милиционер». Этот забытый ныне журнал, выходивший в Петрограде с 1919 по 1921 год, в свое время был очень популярен, причем не только среди тех, кому он непосредственно предназначался. Организовал этот журнал управляющий делами Петроградского Совета Борис Каплун, человек неуемной энергии и самых широких и разносторонних интересов, прекрасный знаток Блока, Ремизова, Белого. Именно Борис Каплун сумел привлечь в «Красный милиционер» А. М. Горького, А. Блока, К. Чуковского, А. Белого, А. Грина, В. Шишкова, О. Мандельштама, Ю. Анненкова, Вс. Мейерхольда.

Журнал этот имел одну немаловажную особенность, которая вполне устраивала его авторов: Борис Каплун добился, чтобы всем авторам «Красного милиционера» выдавали в качестве гонорара продовольственный паек, что было очень существенно и ощутимо в голодном Петрограде революционных лет. Как признавался позднее сам Алянский, желание получить паек сыграло не последнюю роль в его сотрудничестве в «Красном милиционере».[12]

---

[11] С. М. Алянский — В. Э. Мейерхольду, 23 V 1919 г. — ЦГАЛИ, ф. 998. оп. 1, ед. хр. 928, л. 17—18. — *Ольга Михайловна* — жена В. Э. Мейерхольда.

[12] С. М. Алянский — М. А. Сергееву, 21 XII 1963 г. — ОР и РК ГПБ, ф. 1109, ед. хр. 1577, л. 2.

В первом номере журнала за 1921 год под псевдонимом «Незванов» Самуил Миронович опубликовал рецензию на постановку В. Э. Мейерхольдом и В. М. Бебутовым 7 ноября 1920 года в «Театре РСФСР Первом» драмы Эмиля Верхарна «Зóри».

Это был весьма характерный спектакль для Мейерхольда — режиссера, который требовал произвести в искусстве революционный переворот такого же размаха, какой совершился в стране в октябре 1917 года, и ставил знак равенства между задачами театра и политики. «Человечество вступило в такую полосу, когда изменяются все взаимоотношения и понятия, — писали В. Э. Мейерхольд и В. М. Бебутов о задачах и целях своей постановки «Зорь». — Если до 1917 года мы относились с известной осторожностью и бережностью к литературному произведению, то теперь мы уже не фетишисты, мы не стоим на коленях и не взываем молитвенно „Шекспир! ... Верхарн! ...“. Так изменился зрительный зал, что и мы вынуждены перестроить наше отношение... Теперь мы уже стоим на страже интересов не автора, но зрителя».[13]

Такая режиссерская установка — приближение спектакля к интересам революционного зрителя (недаром он был поставлен в третью годовщину Октября) — оказалась близка и Алянскому. «„Зори“ — настоящий спектакль, поставленный настоящими режиссерами, разыгранный настоящими актерами, — писал Самуил Миронович. — Но руководители его сделали попытку понять живого актера и живого зрителя. Они слили смысл пьесы со смыслом октябрьских торжеств, откинули из пьесы все мешающее, ввели в нее всё, что делало ее близкой текущему дню».[14]

Конечно, участие Алянского в «Красном милиционере» было лишь незначительным эпизодом в его биографии, как и весьма кратковременной была его работа на посту заведующего издательским бюро Театрального отдела Наркомпроса. Но все же не следует забывать, что за два года работы на этом посту Самуил Миронович выпустил для нового революционного читателя свыше 100 пьес, в том числе пьесы И. А. Крылова, А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Л. Н. Толстого, инсце-

---

[13] Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. 2. 1917—1939. М., 1968, с. 13.

[14] Красный милиционер, 1921, № 1, с. 20.

нировку романа В. Гюго «Человек, который смеется» и многое другое. Было издано также несколько десятков театральных руководств и много других книг по вопросам театра.

Однако главным для Алянского продолжало оставаться его любимое детище — «Алконост».

Из изданий «Алконоста» 1919—1921 гг. необходимо отметить в первую очередь «Лирику» швейцарского поэта Конрада Фердинанда Мейера (1825—1898), вышедшую в 1920 г. в переводе А. В. Луначарского, «Легенду о Прекрасном Пекопене и о Прекрасной Больдур» Виктора Гюго (с предисловием Блока и в переводе его матери — А. А. Кублицкой-Пиоттух, 1919 г.), искусствоведческий сборник «Искусство старое и новое» (1921 г.) со статьей видного впоследствии советского литературоведа Б. М. Эйхенбаума «Трагедия Шиллера в свете его теории трагического».

В 1921 году при издательстве «Всемирная литература» возникла литературная группа «Серапионовы братья». В основе творческой деятельности «Серапионовых братьев» лежали «поиски приемов овладения новым материалом, которым тогда была прошедшая война и революция, поиски новой художественной формы».[15]

В 1923 году А. М. Горький опубликовал в бельгийском журнале «Disque vert» статью «Группа „Серапионовы братья“», в которой особо отметил царящий в ней дух дружбы и товарищества и способность участников группы сказать в русской литературе новое слово: «Нет сомнения, что многие из них погибли бы в эти тяжелые годы холода и голода, если б всех „братьев“ не связывало искреннее и крепкое чувство действительной дружбы и если б они не умели самоотверженно помогать друг другу. Это они умеют. В тяжелой истории русской литературы я не знаю ни одной группы писателей, которая бы жила так братски, без зависти к таланту и успеху друг друга, с таким глубоким чувством солидарности и бескорыстной любовью к своему делу, которое я, не находя другое слово, называю священным... Я слежу за духовным ростом „Серапионовых братьев“ с великими надеждами. Мне кажется, что эти молодые люди способны создать в Рос-

---

[15] Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни. — Собр. соч. Т. 10. М., 1973, с. 8.

сии литературу, в которой не будет ни квиетизма, ни пассивного анархизма Льва Толстого, из нее исчезнет мрачное садистическое инквизиторство Достоевского и бескровная лирика Тургенева...».[16]

О «Серапионовых братьях» написано много книг, статей и воспоминаний, авторы которых отмечали также, что «формально-техническое» начало деятельности группы, еще не успевшей сложиться в идейно-творческом отношении, нередко приводило ее участников к подчеркнуто полемической аполитичности. Однако почти никто из авторов этих работ не упоминает, что единственный коллективный сборник группы (который так и называется «Серапионовы братья») выпустил в 1922 году не кто иной, как Самуил Миронович Алянский в издательстве «Алконост».

«Наконец он вышел, долгожданный альманах „Серапионовы братья", маленькая книжка в четырех тысячах экземплярах — по тем временам это было недурно, — вспоминает один из участников альманаха В. А. Каверин. — В альманахе было семь рассказов — не участвовали Тихонов, Груздев и Полонская. Но дух товарищества, дружеская связь были так сильны, что кто-то — кажется, Федин — предложил разделить гонорар поровну, на всех братьев — и разделили бы, если бы неучаствовавшие согласились...

Альманах был издан небрежно, на плохой бумаге, в тонкой обложке. Можно было не сомневаться, что С. М. Алянский, друг Блока, обладавший безукоризненным вкусом, руководитель издательства „Алконост", не предполагал, что наше скромное издание станет фактом литературной истории».[17]

Нам неизвестно, предполагал или нет Самуил Миронович, что его скромное издание станет фактом литературной истории, да и вряд ли сами «Серапионовы братья» предполагали будущую огромную популярность своего экспериментального альманаха. Но мы знаем, что Алянский все равно не смог бы достать хорошую бумагу. В «Алконосте» вообще не было никакой бумаги.

---

[16] Горький А. М. Группа «Серапионовы братья». — В кн.: Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963 (ЛН, т. 70), с. 561—562.

[17] Каверин В. А. Освещенные окна. — Звезда, 1976, № 4, с. 127, 128.

Через полвека (29 января 1973 года) С. М. Алянский послал В. Б. Шкловскому — одному из инициаторов издания «Серапионовых братьев» приветственную телеграмму по случаю 80-летия со дня его рождения:

Дорогой Виктор Борисович! Очень Вас люблю как писателя острого, ни на кого не похожего, а еще люблю Вас как человека не равнодушного и доброго. Вспоминаю 18-ый год. Вы узнали, что Анна Ахматова страдает от холода. Вы бросили все дела, кинулись искать дрова, а раздобыв где-то порядочную вязанку, уложили ее на санки и на себе привезли Ахматовой домой. Двадцатый год. Вы явились ко мне, издателю «Алконоста», с предложением издать сборник молодых писателей «Серапионовы братья». Мое объяснение, что в издательстве нет бумаги, вызвало Ваш гнев. Вы ударили кулаком по столу и крикнули: «Когда будете доставать бумагу для символистов, добудьте еще для „Серапионов“». «Алконост» добыл бумагу, правда неважную, но первый сборник «Серапионов» напечатал. Живите долго, хороший, редкий человек, таких немного. Обнимаю Вас. *Алянский.*[18]

Сборник «Серапионовы братья» был одним из последних изданий «Алконоста», который в 1923 году прекратил свое существование. «Издательство „Алконост“ соединило в последний раз голоса символистов вокруг памяти Блока, — писал позднее К. А. Федин, — бывшего редко идейным центром символизма, но сближавшего его представителей силой своего чувства и своим человечнейшим обликом» [19].

Самуил Миронович задумал «Алконост» ради Блока, Блок был душой издательства, в выпуске произведений Блока была главная цель его существования. Недаром критик Георгий Альмединген писал после смерти Блока о журнале «Записки мечтателей»: «Андрей Белый в первой, „программной“, вступительной статье (№ 1) [20] писал об основании в наши дни „Коммуны мечтателей“, т. е. братства свободных мечтателей, не равных по индивидуальности. И настоящим „первым среди равных“ этого братства, пленившим их нежным обаянием своей „индивидуальности“, был до последнего часа своего — Блок. „Властителем дум“ мечтателей стал везде и всюду Блок. Журнал родился и жил под благодатным знаком Блока.

---

[18] Личный архив С. М. Алянского.

[19] Федин К. Горький среди нас. Картины литературной жизни, с. 99.

[20] Г. Альмединген имеет в виду первый номер журнала.

И когда умер Блок, птица — Печаль, Алконост, пропела скорбную песнь о кончине его... Но братству оставил он завет — жить. Вспоминают мечтатели часто о Блоке — это прошлому дань и почет. Мечтают же о будущем только. И, нерушимо храня память о светлом Блоке среди них, — свободы и Солнца, радостных птиц и пчел желают видеть они в зеленом лесу братства. Кроны их завянут без Солнца. Но не вокруг живой „индивидуальности" вращается теперь их мир. Некому заменить Блока».[21]

После смерти Блока наследница его авторских прав Любовь Дмитриевна Блок заключила с Алянским договор на издание «Алконостом» всех произведений Блока как в СССР, так и за границей: «Я, Любовь Дмитриевна Блок, передаю издательству право на издание всех без исключения сочинений моего покойного мужа писателя Александра Александровича Блока, как напечатанных до настоящего времени, так еще и не появлявшихся в печати».[22]

По свидетельству К. Г. Паустовского, Алянский взял на себя также негласное обязательство материально помогать матери Блока — А. А. Кублицкой-Пиоттух.[23] Самуил Миронович честно выполнил свое обязательство, а что касается издания произведений поэта, то после закрытия «Алконоста» право на издание всех без исключения сочинений Блока перешло к государству.[24]

В 1923 году — в год, когда прекратил свое существование «Алконост», — С. М. Алянский оканчивает искусствоведческий факультет Государственного института истории искусств, затем работает в издательствах Наркомпроса, заведует книжным магазином «Международная книга» и книжным магазином издательства «Книга». В 1929 году начинается второй, важнейший после «Алконоста», этап в издательской деятельности Алянского — он становится заведующим «Издательством Писателей в Ленинграде».

---

[21] Альмедингены Г. «Записки Мечтателей». — Книга и революция, 1922, № 8, с. 22.

[22] ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 88, л. 1.

[23] Записано со слов К. Г. Паустовского племянником издателя — писателем Юрием Алянским.

[24] См.: Копия договора Л. Д. Блок с Госиздатом. — ИРЛИ, ф. 654, оп. 8, ед. хр. 88, л. 2.

«В 1929 году Председатель Правления „Издательства Писателей в Ленинграде“ К. А. Федин, — вспоминает С. М. Алянский, — предложил мне заведовать этим издательством. С тех пор я не прерывал работы в издательствах, а в свободное время писал задуманную мною книгу о Блоке».[1]

Что представляло собою «Издательство Писателей в Ленинграде»? «Устав кооперативного товарищества „Издательство Писателей в Ленинграде“», подписанный К. Фединым и М. Козаковым, гласил: «Товарищество организует на коллективных началах труд своих членов в области издания всякого рода литературных и художественных произведений, их составления, перевода, переработки, редактирования, иллюстрирования, художественного и технического оформления и распространения произведений печати своего издания и имеет целью путем совместного ведения издательской работы содействовать материальному благосостоянию и культурному развитию своих членов, вовлекая их в общее социалистическое строительство страны».[2]

В чем заключались служебные функции С. М. Алянского как заведующего издательством? В его личном архиве сохранился любопытный документ:

Доверенность

Выдана сия доверенность Правлением Кооперативного товарищества «Издательство Писателей в Ленинграде» заведующему названным Издательством тов. Алянскому Самуилу Мироновичу, коему предоставляется право:

1. Управлять «Издательством Писателей в Ленинграде» во всем объеме его деятельности — как технической, так коммерческой и хозяйственной.
2. Подписывать договоры, совершать сделки, выдавать долговые обязательства.
3. Приобретать необходимые по ходу дел издательства материалы и товары, а равно и реализовать таковые.
4. Продавать продукцию издательства.
5. Открывать кредиты для Издательства в разных кредитных учреждениях.

---

[1] Автобиография, л. 3.

[2] Устав кооперативного товарищества Издательство Писателей в Ленинграде [Л.], 1930, с. 3—4.

6. Открывать на имя Издательства текущие и другие счета в банках, подписывать чеки и получать деньги по ним.

7. Получать и отправлять товары и грузы.

8. Получать всякого рода имущество, простую и заказную корреспонденцию, переводы, деньги, авансы, ассигновки и талоны к ним.

9. Вести все судебные дела издательства по гражданским и уголовным делам со всеми правами, принадлежащими сторонам в процессе.

10. Вообще совершать все необходимые для нормальной работы издательства действия.

11. Все права, предоставленные по сей доверенности тов. Алянскому, он вправе передоверять в целом и по частям другим лицам с правом дальнейшего передоверия, с ответственностью тов. Алянского за выбор этих лиц и с соблюдением статей 252—255 Гражданского Кодекса.

12. Подпись тов. Алянского С. М. ..... настоящим удостоверяется.

13. Настоящая доверенность действительна по 31-е декабря 1931 года.

Председатель Правления *Константин Александрович Федин.*

Члены Правления «Издательства Писателей в Ленинграде»
Елена Михайловна Тагер.

К сожалению, это один из немногих сохранившихся документов, связанных с «Издательством Писателей в Ленинграде», — архив издательства погиб в самом начале Великой Отечественной войны. «При первых бомбежках Ленинграда, — вспоминает поэт Всеволод Рождественский, — от взрыва фашистской бомбы загорелось издательство Писателей в Ленинграде, помещавшееся в одном из боковых фасадов Гостиного двора. Все в нем было обращено в пепел».[3]

Судить о деятельности Самуила Мироновича на посту заведующего «Издательством Писателей в Ленинграде» надо прежде всего по тем книгам, которые он выпустил за четыре года работы в издательстве — с 1929 по 1932 год. Но даже краткий перечень этих книг убедительно свидетельствует о том, что служебные функции Алянского, как правило, выходили за рамки выданной ему

---

[3] Рождественский В. А. Игорь Северянин. — В кн.: Северянин И. Стихотворения. Изд. 3-е. Л., 1975 (Библиотека поэта. Малая серия), с. 36. — Рукописи и корректуры произведений некоторых авторов издательства еще в начале войны попали в ИРЛИ АН СССР.

доверенности. Самуил Миронович был не просто заведующим издательством — он был другом советских писателей. Вот почему во многих книгах издательства имя Самуила Мироновича встречается не только в самом конце, где обычно приводятся технические (так называемые выпускные) данные.

...В свое время книга эта гремела, как одна из лучших очерковых книг советских писателей. Книга называлась «Сквозь ветер». Ее выпустила в 1931 году в «Издательстве Писателей в Ленинграде» так называемая «Северная бригада» издательства. В предисловии к книге члены бригады — ленинградские прозаики и поэты Георгий Куклин, Сергей Спасский, Елена Тагер и Николай Чуковский — определили важнейшие задачи «Северной бригады»: «Во-первых — обследование строительства, изучение экономической и общественной жизни края, прилегающего и тяготеющего к Ленинграду; во-вторых — поиск литературных форм, способных наглядно запечатлеть стремительную поступь нашего времени.

Волна писательских бригад растекается по пространствам Союза».[4]

И вот «писатели скрылись. Через день, через два их в городе не стало, — отнесло на окраины. Куда поехали трое, неизвестно. А от четвертого, того, что в очках, вскоре же пришло письмо в Издательство Писателей в Ленинграде. На имя заведующего издательством С. М. Алянского».[5]

Первая глава — «Скорый на Мурманск» — вся построена в виде письма-отчета на имя Алянского. Вот начало письма:

— Дорогой Самуил Миронович, куда я попал? Еду вторые сутки и ни лужка кругом, ни полоски; только лес, вода да выпуклые пятна скал на боках гор. Не знаю, чем еще размахнется Север, но он уже просквозил меня и приручает. Расскажу по порядку...[6]

Под непосредственным руководством С. М. Алянского в «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходят произведения крупнейших советских мастеров слова. Можно

---

[4] Куклин Г. и др. Сквозь ветер. [Л], 1931, с. 5.
[5] Там же, с. 8.
[6] Там же, с. 9.

сказать, что весь цвет советской литературы был представлен в книгах «Издательства Писателей в Ленинграде». К. Федин, М. Шагинян, Н. Тихонов, В. Шкловский, Б. Пастернак, В. Каверин, М. Слонимский, О. Форш, В. Шишков, Ю. Тынянов, М. Зощенко, А. Толстой, А. Белый, Г. Гор, В. Саянов, Ю. Герман, Л. Никулин, И. Соколов-Микитов, Л. Раковский, М. Козаков, Б. Лавренев — лишь один перечень этих имен мог бы составить честь любому издательству.

«1923 год стал поворотным пунктом в моей литературной судьбе, — вспоминает Ольга Форш. — От рассказов я перешла к историческому роману. Этот поворот подготавливался во мне исподволь: великими изменениями, происходящими в жизни нашего народа, думами о советской литературе, еще только нарождавшейся, желанием преодолеть интересы, ограниченные вопросами формального порядка... Историческая тема открыла мне выход в мир».[7] И вот в 1931 году в «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходит первый исторический роман Ольги Форш — «Одеты камнем», ставший вскоре самым популярным и всенародно известным ее романом.[8–9] Он написан как бы на едином дыхании, сплавляющем многообразные проблематики, мозаичную пестроту документальных материалов и источников, сложность композиционных ходов в целостный и напряженный поток повествования, ни на минуту не отпускающий внимания читателя.

По предложению К. А. Федина в члены Товарищества и в состав правления издательства были кооптированы Ю. Н. Либединский, В. М. Саянов и Н. С. Тихонов.[10] В конце 20-х—начале 30-х годов Николай Тихонов, уже известный к тому времени поэт, с увлечением погрузился в работу над прозой. В «Издательстве Писателей в Ленинграде» выходит книга рассказов Н. Тихонова «Клинки и тачанки». «Не много книг вышло за последнее время столь бодрых, столь радостных и столь насыщенных идейно, как последняя книга Ник. Тихонова „Клинки и

---

[7] Лит. газета, 1958, 27 мая.

[8–9] В «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышли также романы О. Форш «Горячий цех» и «Современники», книга ее очерков и рассказов «Под куполом».

[10] См.: Хренков Д. Виссарион Саянов. Путь поэта. Л., 1975, с. 114.

тачанки“, — писал рецензировавший это издание критик А. Амстердам. — Книга включает рассказы о двух армиях, царской и Красной, она жива пафосом обличения первой и пафосом утверждения второй. Написанная мастером прозы, одним из лучших советских писателей, книга является крупным достижением на участке оборонной литературы. Она поучительна. Она учит, как можно писать о Красной Армии, о буднях ярко и тепло, глубоко и весело, занимательно и философски одновременно».[11]

Совершив две поездки в Туркмению, Н. С. Тихонов выпустил книгу очерков «Кочевники». Эта книга, в 1932 году вышедшая в «Издательстве Писателей в Ленинграде» вторым изданием, стала крупным литературным явлением первой пятилетки, привлекла сочувственное внимание читателей и критики. Художественные достоинства очерков Н. С. Тихонова отметил А. М. Горький: «Молодая наша литература выдвинула из своей среды группу талантливых „очеркистов“, и они постепенно придают очерку формы „высокого искусства“. „Туркменские записи“ талантливейшего поэта и прозаика Н. Тихонова — это очерк и это подлинное искусство изображения жизни словом».[12]

К группе талантливых «очеркистов» можно с полным правом отнести и замечательного советского писателя И. С. Соколова-Микитова. В 1932 году в «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышел сборник его очерков «Море, люди, дни», в котором Соколов-Микитов показал себя тонким наблюдателем живой природы и занимательным рассказчиком. С тех пор почти 40 лет продолжалась дружба С. М. Алянского с И. С. Соколовым-Микитовым.

Впрочем, все авторы «Издательства Писателей в Ленинграде» надолго сохранили теплые воспоминания о заведующем издательством. Вот что пишет ленинградский писатель и переводчик Арсений Георгиевич Островский, выпустивший в конце 20-х годов в «Издательстве Писателей в Ленинграде» книги «Молодой Толстой в записях современников» и «Тургенев в записях современников»: «С. М. Алянского я знал в бытность его директором „Издательства Писателей в Ленинграде“... Между нами

---

[11] Лит. современник, 1933, № 5, с. 155.

[12] Горький М. О литературе. — Собр. соч. в 30-ти т. Т. 25. М., 1953, с. 256.

не было особенно близких отношений, но всегда возникало чувство обоюдной симпатии и взаимного расположения (что, вероятно, испытывали многие, знавшие Самуила Мироновича)...

Самуил Миронович пользовался заслуженной репутацией делового человека, он не менял своих решений, был человеком слова. Прекрасно знал полиграфию и в этом отношении сделал много, чтобы упрочить полиграфическое и финансовое положение издательства.

Насколько помню, он был инициатором „Художественной серии“ — небольших книг — прозы современных писателей — в однотипном оформлении, с хорошими иллюстрациями. По-моему, выпуск этой серии после ухода Самуила Мироновича постепенно сошел на нет, а было их издано, вероятно, десятка полтора. Выходили они небольшими тиражами.

Со стороны ленинградских писателей Самуил Миронович пользовался большим уважением...».[13]

В «Художественной серии», упоминаемой А. Г. Островским, С. М. Алянский выпустил двумя изданиями повесть В. Я. Шишкова «Странники». Однажды писатель получил письмо от беспризорника из Симферополя, сообщавшего несколько эпизодов из своей скитальческой жизни. Так родился замысел повести о беспризорничестве. Тема эта была весьма актуальной в конце 20-х—начале 30-х годов. Повесть В. Я. Шишкова выдержала три издания, причем каждое издание писатель перерабатывал в целях повышения идейного и художественного звучания произведения.

Известный советский писатель Михаил Козаков почти 25 лет работал над главной книгой своей жизни — «Девять точек». Первые части этого романа вышли в «Издательстве Писателей в Ленинграде». Уже после смерти писателя этот роман в 1956 году был полностью опубликован под названием «Крушение империи» и впоследствии экранизирован. Роман охватывает годы 1913—1917, писатель воссоздает картины последних лет царской России, сцены Февральской революции вплоть до приезда в Петроград В. И. Ленина в апреле 1917 года. Написанный с чувством непримиримой ненависти к старому, отжив-

---

[13] А. Г. Островский — С. В. Белову, 22 IV 1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

шему строю и глубокой веры в победу нового, справедливого общественного строя, роман М. Козакова «Крушение империи» запечатлел правдивые картины кануна великой революции, перед читателем предстали живые образы незабываемой эпохи.

Тематика произведений, появившихся впервые в «Издательстве Писателей в Ленинграде», была самой разнообразной. Издательство охотно предоставляло место и начинающим писателям (например, Геннадию Гору) и непрофессиональным литераторам. Так, в 1932 году С. М. Алянский выпустил книгу рабочего А. М. Селифонова «Ярый Лог», в которой показан эпизод из истории коллективизации на Дальнем Востоке на конкретном примере сельскохозяйственной артели в Яром Логе.

Если «Ярый Лог» был посвящен началу коллективизации, то выпущенный С. М. Алянским в 1931 году роман М. С. Шагинян «Гидроцентраль» рассказывал о начале индустриализации страны. Писательницу захватила, по ее словам, «страстная потребность отразить в искусстве, как сквозь борьбу и сопротивление рождается социальная стройка и, рождаясь, усиливает позиции социализма в стране».[14]

В «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышли также мемуары художника К. С. Петрова-Водкина «Пространство Эвклида». Вряд ли кто сейчас знает, что в начале века знаменитый впоследствии живописец выступал в качестве драматурга. Из этих опытов ничего серьезного не вышло, но Петров-Водкин просто пробовал тогда свои силы, искал свои пути в области искусства слова. Эти многолетние поиски привели к мемуарам «Пространство Эвклида».

«Пространство Эвклида» — «очень свежая и живая книга, — отмечал рецензент, — в которой все своеобразно и оригинально, начиная от материала и вплоть до литературного оформления... Внутреннее содержание книги, ее не явно выраженная тема — преодоление классицизма, освобождение из-под власти „Пространства Эвклида“».[15]

Правда, К. С. Петров-Водкин слишком увлекся формальным словотворчеством, что вызвало резко отрицательный отзыв А. М. Горького (в его статье «О прозе») о «Пространстве Эвклида».

---

[14] Шагинян М. С. Семья Ульяновых. Очерки. Статьи. Воспоминания. М., 1959, с. 669—670.

[15] Лит. современник, 1933, № 1, с. 167.

Но, пожалуй, самая интересная мемуарная книга, выпущенная С. М. Алянским в «Издательстве Писателей в Ленинграде», — «Воспоминания Андрея Михайловича Достоевского», младшего брата великого русского писателя. Эти мемуары, вышедшие в 1930 году под редакцией и со вступительной статьей сына мемуариста — известного в свое время статистика А. А. Достоевского, — не только главный, но, в сущности, почти единственный источник биографии молодого Достоевского.

Это своего рода семейная хроника, написанная, правда, без каких бы то ни было претензий на решение серьезных политических или общественных вопросов. Воспоминания А. М. Достоевского «не претендуют на художественно-литературное изложение, — характеризует в предисловии мемуары отца А. А. Достоевский, — не затрагивают широких политических или общественных вопросов, а представляют собою простой, бесхитростный рассказ».[16] Это подробное повествование о родительской семье, в которой рос будущий писатель, о пансионе Чермака, где Андрей Михайлович учился вместе со старшими братьями, о сравнительно недолгой жизни в Петербурге совместно с Федором Михайловичем, о последующих встречах с ним, о знакомых и друзьях писателя.

Читателям, знакомым с биографией писателя, не всё в «Воспоминаниях» показалось новым: кое-какие факты уже прочно вошли в литературоведческий обиход, так как еще в начале 1880-х годов своими воспоминаниями о детстве писателя А. М. Достоевский охотно поделился с историком литературы Орестом Миллером, выпустившим в 1883 году вместе с Н. Н. Страховым под названием «Материалы для жизнеописания Ф. М. Достоевского» первую биографию писателя. Но тогда еще были живы родные писателя, которые могли болезненно отреагировать на предание гласности тех или иных сторон интимной жизни семьи Достоевских. И только в 1930 году А. А. Достоевский решился издать книгу своего отца.

Критика, очень тепло встретившая появление в «Издательстве Писателей в Ленинграде» записок А. М. Достоевского, особо отметила публикацию в самом тексте воспоминаний и в приложении к ним целого ряда неизданных писем Ф. М. Достоевского.[17]

---

[16] Достоевский А. М. Воспоминания. Л., 1930, с. 3.

[17] См., например: Каторга и ссылка, 1932, № 1, с. 237—239.

В конце XIX века большой успех среди русских читателей имела трилогия писательницы В. Микулич (ее настоящее имя — Лидия Ивановна Веселитская, 1857—1936) «Мимочка-невеста», «Мимочка на водах», «Мимочка отравилась». Однако эти произведения В. Микулич не пережили свое время. Лишь одна книга из всего написанного В. Микулич представляет большой интерес и в наши дни: это ее воспоминания «Встречи с писателями (Лев Толстой, Достоевский, Н. Лесков, Вс. Гаршин)», выпущенные в «Издательстве Писателей в Ленинграде» в 1929 году.

Среди мемуаристов, публиковавшихся в «Издательстве Писателей...», были весьма колоритные фигуры.

«...В 2 часа 30 минут дня „Царицынский" вышел из дома, имея при себе портфель, и на извозчике отправился на Невский проспект, в дом № 65 в табачный магазин; отсюда „Царицынский" скоро вышел и на том же извозчике проехал до угла Невского проспекта и Мойки, где слез и вошел в дом № 36 по Мойке, в бани. Пробыл час и пошел на Невский проспект в дом 18, в магазин Трейман, где купил палку, и отсюда направился на Дворцовую площадь в подъезд Министерства торговли и промышленности, через 40 минут вышел и на извозчике поехал в редакцию газеты „Речь". Выйдя отсюда в 5 часов 40 минут вечера, „Царицынский" на Невском проспекте заходил в рыбные магазины Соловьева и Языкова, что-то там купил, — после чего вернулся домой. В 7 часов 45 минут вечера наблюдаемый вышел из дома с женою и отправился в Александринский театр».[18]

Читатель подумает, что это завязка детективного романа, но это лишь обычное донесение царской охранки, датированное 8 февраля 1912 года. Именно с этого дня по распоряжению директора департамента полиции Н. Зуева началась самая тщательная слежка за известным в то время петербургским журналистом Львом Моисеевичем Клячко (1873—1933). В секретной полицейской переписке Л. М. Клячко проходил под кличкой «Царицынский». Там вообще работали «остроумные» люди: чтобы не утруждать своих агентов заучиванием фамилий многочисленных подозреваемых и «наблюдаемых», депар-

---

[18] Кантор Р. Л. Львов [Л. Клячко] и департамент полиции. — ЦГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, ед. хр. 86, л. 2.

тамент полиции давал этим последним звучные клички. Вот так и получилось, что в дошедшей до нас секретной переписке департамента полиции многие из тех, кто подозревались в неблагонадежности по отношению к царскому режиму, получали клички «Царицынский», «Императорский», «Царский», «Дворцовый», «Царскосельский». К 1912 году, когда в русских журналистских кругах Л. М. Клячко стали называть «королем русских репортеров», подчеркивая этим титулом его завидную журналистскую оперативность, в департаменте полиции на него давно уже было заведено «особое» дело.

Через много лет — в 1929 году Л. М. Клячко выпустил в «Издательстве Писателей в Ленинграде» любопытные мемуары — «Повести прошлого», где рассказал о слежке охранки за ним и за другими русскими журналистами. С. М. Алянский был рад выпустить книгу своего старого друга: ведь он познакомился с Л. М. Клячко еще в самом начале века, когда юным гимназистом подрабатывал вечерами перепиской адресов подписчиков в газете «Речь», а Л. М. Клячко был постоянным корреспондентом этой газеты. Но особенно сблизился Самуил Миронович с Л. М. Клячко во второй половине 20-х годов, когда Клячко возглавлял издательство «Радуга». Оказывается, «король русских репортеров» явился организатором первого детского издательства в нашей стране — издательства, в котором получили путевку в советскую детскую литературу многолетние друзья Алянского: С. Я. Маршак, В. В. Лебедев, В. М. Конашевич, К. И. Чуковский. Да и помещалось издательство «Радуга» в 1929 году там же, где и «Издательство Писателей в Ленинграде», — внутри Гостиного двора.

В «Радуге» Алянский учился искусству полиграфического оформления книги, чрезвычайно трудному искусству, которым Самуил Миронович овладевал всю жизнь и которое ему особенно пригодилось в послевоенные годы, когда он занимался выпуском детской иллюстрированной книги.

Книги «Издательства Писателей в Ленинграде» свидетельствовали о том, что искусством полиграфического оформления Самуил Миронович овладевал успешно. Например, повесть ленинградского писателя Сергея Спасского «Новогодняя ночь» (1932 г.) с рисунками В. Фаворского особо отмечена в специальной литературе

по искусству книги, причем выделяется в первую очередь оригинальный разворот: «Разворот представляет собой соседствующие фронтиспис и титульный лист. Его особенность — фронтиспис, заполняя поле титульного, вышел за пределы отведенной для него страницы. Анализируя восприятие этой композиции, мы можем отметить, что движение по ней сливается как в сюжетном, так и в специфически формном содержании. Движение конвоя, везущего на расстрел группу революционеров, начинается слева от подчеркнуто статичного фонаря, протекает через фигуру конного офицера, шеренгу конвойных, телегу с арестованными и, не прекращаясь, направляется внутрь книги. Это движение, внешне спокойное, внутренне полно драматизма и тяжелых предчувствий. В. А. Фаворский, относясь особенно чутко к ритму, находит средства глубоко выразить сюжет через острую художественную форму».[19]

На высоком полиграфическом уровне были изданы «Записки спутника» Льва Никулина в оформлении художника М. Кирнарского (1932 г.), рассказы Л. Раковского «Блудный бес» с гравюрами на дереве С. Юдовина (1931 г.), сборник стихотворений «Маяковскому» Н. Брауна, А. Прокофьева, В. Саянова (1931 г.), рассказы В. Каверина «Черновик человека» с иллюстрациями Н. П. Акимова (1931 г.), «Охранная грамота» Б. Пастернака (1931 г.), «Краткая, но достоверная повесть о дворянине Болотове» В. Шкловского в оформлении художника А. Н. Лео (1930 г.), «Хождение по мукам» А. Толстого (1932 г.), роман-хроника «Месяц туманов» П. Губера в оформлении Д. И. Митрохина (1929 г.), повесть К. Федина «Старик» с гравюрами на дереве Н. Алексеева (1930 г.), повесть Л. Борисова «Галка» с иллюстрациями К. Рудакова (1931 г.), сборник документов и воспоминаний «Судьба Блока» в оформлении художника Г. Епифанова (1930 г.) — сборник, в котором среди тех лиц, кто был особенно близок к поэту в последние годы его жизни, упоминалось и имя Самуила Мироновича. Через тридцать лет, работая над книгой «Встречи с Александром Блоком», Самуил Миронович в переписке с друзьями вспомнил о сборнике «Судьба Блока»: «Книга мне

---

[19] Адамов Е. Б. Ритмическая структура книги. М., 1974, с. 68.

очень пригодилась, так как в ней приводится часть „отчета доктора Пекелиса“, лечившего Блока. ... И вообще книга хорошая; материал подобран со знанием и любовью. Я вспомнил и авторов этого монтажа. Один из них — Ц. Вольпе погиб в начале 1942 года на ледовой дороге, по которой отправился пешком вместе с художником Кирнарским».[20]

Особым изяществом отличалась литературоведческая серия «Мастера современной литературы», посвященная крупнейшим советским писателям, причем часто это были авторы «Издательства Писателей в Ленинграде». Например, 10-м изданием в «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышел один из самых популярных романов конца 20-х годов — «Лавровы» Михаила Слонимского, посвященный важнейшей теме тех лет — интеллигенция и революция.[21] В серии «Мастера современной литературы» выходит монография видного советского критика Анат. Горелова «Путь современника» о творческом пути М. Л. Слонимского. Надо отметить, что аналогичную серию в конце 20-х годов выпускало издательство «Academia», однако названием и исчерпывается сходство этих серий. Книжки «Издательства Писателей в Ленинграде» отличались от работ издательства «Academia» другой тональностью.

Вот почему критик А. Камегулов, рецензируя работу Анат. Горелова, указывал, что она «прежде всего привлекает читателей доступностью, живостью изложения. Горелов всецело обладает благодарным и очень редким, к сожалению, в нашей критике качеством — художественной, образной передачей исследуемого материала».[22]

Михаил Слонимский — давний друг Алянского, один из участников альманаха «Серапионовы братья», вышедшего еще в «Алконосте». Произведения почти всех бывших «Серапионовых братьев» были представлены в продукции «Издательства Писателей в Ленинграде»: «Кюхля» и «Подпоручик Киже» Ю. Тынянова, «Барон Брамбеус» В. Каверина, «Избранные рассказы» и «М. П. Синягин

---

[20] ОР и РК ГПБ, ф. 1109, ед. хр. 1577, л. 18.

[21] В «Издательстве Писателей в Ленинграде» вышли также романы М. Л. Слонимского «Средний проспект» и «Фома Клешнев».

[22] Звезда, 1934, № 4, с. 196.

ГОРОДА и ГОДЫ

РОМАН

ПЯТОЕ ИЗДАНИЕ

Самуилу Мироновичу
Алянскому —

с дружескими чувствами,
в память о давних
встречах и на
укрепление сотрудничества

К. Федин

1929, август.

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД • 1929

Автограф К. Федина на титульном листе его романа «Города и годы».

(Воспоминания о Мишеле Синягине)» М. Зощенко, «Города и годы» К. Федина.

Повесть Михаила Зощенко о Мишеле Синягине в свое время имела большой успех, хотя отличалась от юмористических рассказов писателя в основном лишь развернутым сюжетным строением. Правда, критик А. Старков отмечает, что в этой повести «пародируется уже не тема „маленького человека“ с его житейскими печалями: объектом пародии оказался... рафинированный интеллигент начала века, доживший до тех дней и предающийся возвышенной скорби и страданиям от одиночества».[23]

Роман К. Федина «Города и годы» — один из первых советских романов, «где ярко и правдиво воссоздана эпоха гражданской войны»,[24] где показаны пути русской интеллигенции в революции. Как и другой роман К. Федина — «Братья», «Города и годы» развивают также важнейшую, магистральную тему писателя: борьбу за новое, революционное искусство — тему, впоследствии развитую Фединым в знаменитой трилогии — «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер». В библиотеке Самуила Мироновича сохранилось издание романа «Города и годы» с дарственной надписью автора: «Самуилу Мироновичу Алянскому — с дружескими чувствами в память о давних встречах и на укрепление сотрудничества. *К. Федин.* 1929, август».

Через тридцать два года, в день 70-летия Алянского, К. Федин отметит его заслуги в развитии советской литературы «той ранней ленинградской поры»: «Милый Самуил Миронович! Все мои чувства сегодня с Вами. Если бы судьба отняла у моей жизни встречу с Вами, я потерял бы не только доброго друга — нет! Сам образ Петрограда — Ленинграда, для меня драгоценный, стал бы бедней в моем воображении.

От Вас идут пути тончайшие к Александру Блоку, к роковому веку „мечтателей“, ко дням трагического перелома и к первому младенческому вскрику новорожденной русской литературы.

Вы были умным товарищем и внимательной няней советских писателей той ранней ленинградской поры.

Но кратко говоря — я Вас люблю. И давайте поживем

---

[23] Старков А. Н. Юмор Зощенко. М., 1974, с. 89.

[24] Правда, 1977, 18 июля.

подольше. Обнимаю Вас крепко. И — всегда Ваш. *Константин Федин*».[25]

Последними издательскими начинаниями С. М. Алянского в «Издательстве Писателей в Ленинграде» были выпуск двенадцатитомного собрания сочинений любимого Александра Блока[26] и подготовка к изданию по инициативе А. М. Горького новой серии, ставшей в наши дни такой популярной, — «Библиотека поэта».[27]

Еще находясь далеко от родины, в Сорренто, А. М. Горький думал о планах издания таких книжных серий, которые смогли бы вооружить советскую молодежь знанием прошлого. Вернувшись весной 1931 года в Москву, А. М. Горький приступил к реализации своих замыслов. В это время по инициативе А. М. Горького и при активной поддержке ЦК нашей партии были предприняты такие издания, как «История гражданской войны» и «История фабрик и заводов». Выпуск в «Издательстве Писателей в Ленинграде» серии «Библиотека поэта» был одним из важнейших звеньев в этой цепи литературно-издательских начинаний А. М. Горького.[28]

«В 1932 году перехожу в издательство „Молодая гвардия", — пишет С. М. Алянский в автобиографии, — а после его реорганизации работаю в Детгизе, где сначала заведую производственным отделом, а потом работаю художественным редактором в Московской редакции Детгиза».[29]

Можно было бы остановиться на некоторых изданиях С. М. Алянского, осуществленных им в этот период в «Молодой гвардии» и в Детском государственном издательстве, но не они определяют характер издательского мастерства Самуила Мироновича: после «Алконоста» и «Издательства Писателей в Ленинграде» самым важным этапом в его жизни и деятельности стал «Боевой карандаш».

---

[25] Личный архив С. М. Алянского.

[26] Издание было начато в 1932 г., а закончено в 1936 г. — уже в издательстве «Советский писатель».

[27] Работа над серией началась в 1931 г., а первая книга вышла в 1933 г.

[28] Подробнее об организации «Библиотеки поэта» см.: Ускин Г. С. Энциклопедия отечественной поэзии (обзор изданий «Библиотеки поэта»). — В кн.: Книга. Исследования и материалы. Сб. IV. М., 1961, с. 101—125; Беловицкая А. А. До выхода первого тома «Библиотеки поэта». — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 348—357.

[29] Автобиография, л. 3.

«БОЕВОЙ КАРАНДАШ»

«С 1938 года заведую издательством Ленинградского Союза художников, где издаются сначала эстампы, а [потом]... издаются известные агитплакаты „Боевой карандаш". За эту работу награжден почетной грамотой Политуправления Ленинградского военного округа и значком „Боевой карандаш"».[1]

В этих скромных пяти строчках своей неопубликованной автобиографии Самуил Миронович Алянский рассказал о самом тяжелом и самоотверженном периоде своей жизни и деятельности.

«Мне трудно сказать, когда я познакомился с Самуилом Мироновичем Алянским, — вспоминает писатель Л. Пантелеев. — Очень давно. Определенно могу сказать, что в 1937 году я узнал, что мы живем с ним в одном доме — по улице Восстания № 22 в Ленинграде. Но к тому времени я уже был знаком с ним, встречался в издательствах, знал, что он основатель и владелец „Алконоста". Однако ни он у меня, ни я у него тогда не бывали. Ближе я узнал Самуила Мироновича и его семью блокадной зимой. Помню его сына, шестнадцатилетнего мальчика. В холодном октябре 41-го года он вывел на прогулку собаку, а я дежурил у ворот и, помню, спросил, как им удается в это голодное время кормить собаку.

— Это не мы ее, а она нас кормит, — ответил мальчик.

На собак в то время еще давали — через Союз охотников — какой-то паек.

Не знаю, что стало с этой собакой. Вероятно, съели, как съели многих других. А может быть, умерла своей смертью.

Потом и мальчик умер. И мама его — жена Самуила Мироновича. Умирали мы все... Самуил Миронович был страшен. Он и всегда был худощав, а тут от него ничего не осталось — кожа, кости и печать страшного, безысходного горя на всем облике».[2]

---

[1] Автобиография, л. 3. — В текст автобиографии вкралась ошибка: во время войны Ленинградский военный округ не существовал; речь идет, очевидно, о Политуправлении Ленинградского фронта.

[2] Л. Пантелеев — С. В. Белову, 8 XI 1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

Мало кто сейчас помнит и знает, что советский эстамп впервые возник в предвоенном Ленинграде, а С. М. Алянский явился его непосредственным зачинателем и создателем. В 1938 году небольшая группа художников-графиков Ленинградского Союза советских художников начала экспериментальную работу над цветной литографией. Когда группа эта увеличилась, и в литографической мастерской появились такие великолепные художники, как В. Конашевич, Н. Тырса, Ю. Васнецов, Е. Чарушин, интерес к работе над эстампом значительно вырос и не было в Ленинградском Союзе художников ни одного графика, который не зашел бы в литографическую мастерскую. Там всегда велись оживленные споры вокруг нового эстампа и все присутствующие принимали участие в обсуждении новых работ.

Это были настоящие творческие разговоры, во время которых обсуждались и сюжет эстампа, и композиция его, колорит и манера исполнения. Особенно оживленный интерес вызвала тогда работа Н. А. Тырсы над натюрмортом «Цветы». «Сколько молодых художников училось здесь и заражалось желанием самому попробовать свои силы, — вспоминал впоследствии С. М. Алянский. — Желающих работать на камнях становилось все больше, и скоро энергичная графическая секция добилась того, что правление Ленинградского Союза художников предоставило в распоряжение экспериментальной мастерской светлое помещение с 10-ю протопечатными станками. В мастерской этой могло одновременно работать до 20 художников, и тут начался расцвет работы над эстампами. Помимо большого отряда графиков в мастерской начали появляться живописцы: сначала пришел живописец В. Пакулин, который упорнее многих трудился над освоением литографической техники: он работал буквально 12 часов в сутки на камнях. Затем пришли сестры М. и Э. Асламазян, пришла Л. Тимошенко и другие, и нужно справедливости ради сказать, что из работ этих живописцев остались жить и пейзажи Пакулина, и „Ковровщицы" М. Асламазян, и эстамп „Катюша" Л. Тимошенко».[3]

Когда в конце 1939 года в Клубе писателей Москвы открылась выставка эстампов ленинградских художников,

---

[3] Алянский С. М. Об эстампах (рукопись), л. 2. — Личный архив С. М. Алянского.

выступавшие при обсуждении этой выставки московские художники М. Н. Павлов, М. С. Родионов, А. М. Каневский, С. Д. Лебедева, отмечая успехи и неудачи ленинградцев, выразили всеобщее восхищение тем, что за столь короткий срок — около года — ленинградские художники сумели создать 100 эстампов.[4]

В значительной степени ленинградские художники были обязаны своими успехами в деле создания эстампов заведующему Издательством Ленинградского Союза советских художников. Старейший Ленинградский художник, народный художник РСФСР В. И. Курдов в беседе с автором этой книги вспоминал: «Самуил Миронович был издателем особого склада. Он был не просто прекрасным организатором и исполнителем. Алянский обладал удивительным чувством нового, всегда умел что-то открыть, начать, затеять. Именно он и подал идею создания эстампа, поверил в реализацию этой идеи и с присущими ему обязательностью и деловитостью взялся за организацию специальной экспериментальной мастерской по созданию эстампа».

Работа по выпуску эстампа сплотила в единый дружный коллектив целую группу ленинградских художников. Этот дружный коллектив во главе с Алянским и явился ядром будущего замечательного патриотического содружества «Боевой карандаш».

Рождение «Боевого карандаша» состоялось 23 июня 1941 года. В этот день в Ленинградском союзе советских художников собрались инициаторы агитобъединения: В. Курдов, Н. Муратов, И. Астапов, В. Гальба, С. Алянский. Прежде чем начать работу, художники решили обратиться к передовой статье «Правды». Она называлась «Фашизм — враг человечества. Смерть фашизму!». Первый лист и был так назван.

Среди выпускавшихся тогда плакатов этот лист «Боевого карандаша» выглядел необычно. Вместо одного, как принято в плакате, рисунка крупным планом он состоял из пяти кадров-эпизодов. В центре был изображен красноармеец, разящий штыком фашистскую змею.

С. М. Алянский выпустил три тысячи экземпляров первого листа «Боевого карандаша». Однако успех первого

---

[4] См.: Пельсон Е. Культура эстампа. — Лит. газета, 1939, 31 дек.

Первый выпуск «Боевого карандаша».
В правом нижнем углу — подпись С. М. Алянского.

листа превзошел все ожидания. Пришлось срочно поднять тираж до пятнадцати тысяч. Так ленинградские художники с первого дня войны активно включились в общее дело защиты Родины. Отныне агитационные плакаты «Боевой карандаш» с маркой в виде палитры, винтовки и карандаша стали самыми популярными в Ленинграде, а вскоре стали известны и всей стране. На первом листе «Боевого карандаша» можно увидеть в правом нижнем углу подпись: «Читано на выпуск 4/VII-41. *С. Алянский*». Отныне такая подпись сопровождает почти все листы «Боевого карандаша».

В Ленинграде, зажатом кольцом вражеской блокады, деятельность «Боевого карандаша» имела особо важное значение. Столь нужные советским людям патриотические плакаты выходили регулярно, несмотря на страшный мороз и голод, несмотря на ожесточенный артиллерийский обстрел и яростные воздушные налеты.

«Живем в Союзе на казарменном положении, — вспоминает В. И. Курдов. — В правлении и бухгалтерии вплотную стоят кровати... В один солнечный летний день неожиданно мы стали свидетелями первого воздушного налета на город. Впервые видим свастику на фюзеляжах бомбардировщиков, так низко летят над нами фашисты. От падающих бомб содрогается земля. Бросив работу, из окон наблюдаем, как по чистому голубому небу от горизонта ползет вверх огромное плотное облако. Вот оно закрыло уже половину неба. Это вовсе не облако, это клубы белого дыма. Горят Бадаевские склады, догадывается кто-то из нас. Все понимаем, что впереди голод, но работу не бросаем, только становимся молчаливее.

Мы живем дружно. Обычно работаем под мирное щелканье радиометронома в бывшей биллиардной, рядом с экспериментальной литографской мастерской. Это удобно. В литографской мастерской у круглой печки стоят, грея озябшие руки, художники. С нами представитель старых питерских рабочих, неунывающий мастер-пробопечатник Иван Михайлович Пожильцов.

Стеллажи и табуретки хорошо горят в печке. Сгорели и подставки для работы на камне... Вместо ушедшего в армию подмастерья Юры подручным рабочим встал у станка наш товарищ — художник Саша Ведерников. В черном длинном пальто, в шапке, в валенках и рукавицах из последних сил крутит он литографский станок.

За маленьким письменным столом, в углу у шкафа, работает изнуренный голодом человек. Это неизменный друг художников, писателей и поэтов на протяжении многих десятков лет Самуил Миронович Алянский, ставший в тяжелые дни блокады особенно близким и дорогим нашему коллективу. Именно он был мудрым редактором и душой „Боевого карандаша" в военные годы».[5]

Некоторое представление о питании ленинградских художников блокадной зимы 1941/42 года дает дневниковая запись замечательной советской художницы А. Остроумовой-Лебедевой, датированная 1 января 1942 года: «...Едим столярный клей. Ничего. Схватывает иногда нервная судорога от отвращения, но я думаю, что это от излишнего воображения. Он, этот студень, не противен, если положить в него корицу или лавровый лист. Едим рыбий клей и варим щи из лечебной беломорской капусты. Советский человек даже в страшных условиях блокады находит силы бороться со всеми невзгодами. Его бесстрашие, отвага, способность к сопротивлению — поразительные...».[6] Иногда, правда, везло: например, художникам «Боевого карандаша» в качестве премии и благодарности за их работу разрешили получить убитую артснарядом лошадь, а однажды у В. Курдова сдохла собака».[7]

В эти трудные и героические блокадные дни ленинградские художники, а вместе с ними и С. М. Алянский продолжали бесперебойный выпуск «Боевого карандаша». Выходят плакаты, надолго сохранившиеся в памяти всех, кто помнит это суровое время: «Балтийцы» В. Курдова, «Летчик Виктор Талалихин» Н. Быльева и Г. Верейского, «Только вперед — до полного разгрома врага!» В. А. Серова, «Урожай (пшеница — кладбище фашистов!)» Н. Тырсы, «Защищай свой город, свой дом!» И. Астапова и Г. Петрова, «О хвостах и крестах» Н. Муратова, «Танк-универмаг — новинка фашистских вояк» И. Еца, «Мороз не велик, да стоять не велит!» В. Курдова и Н. Муратова и многие другие листы «Боевого карандаша».

---

[5] Курдов В. В Союзе художников. — В кн.: Художники города-фронта. Воспоминания и дневники ленинградских художников. Л., 1973, с. 252.

[6] Остроумова-Лебедева А. Из дневника. — Там же, с. 301.

[7] Курдов В. Указ. соч., с. 256.

Более трети всех стихотворных подписей к плакатам сделал поэт Борис Тимофеев. Тексты писали также поэты Н. Тихонов, В. Саянов, А. Прокофьев, Н. Дилакторская и С. Спасский. Их точные и лаконичные строки, зачастую близкие к лубочным частушкам, были общедоступны и понятны. Но общедоступности листов «Боевого карандаша», как правильно отмечает искусствовед В. Матафонов, в значительной степени способствовал тот факт, что сами листы «Боевого карандаша» были близки лубку простотой образов, яркостью красок, композицией и даже своими размерами.[8]

Художники «Боевого карандаша» творчески использовали и претворили в своем искусстве и богатое графическое наследие эпохи гражданской войны, в особенности «Окна РОСТА» Владимира Маяковского, их боевой, агитационный характер, глубокую идейность и гражданственность. Однако было и существенное различие между уличными плакатами революционной поры и плакатами блокированного Ленинграда. Военные условия и конкретная обстановка обусловили специфическую природу листов «Боевого карандаша». В блокированном Ленинграде окна магазинов были засыпаны песком и заколочены досками, да и сами улицы были пустынны. Листы «Боевого карандаша» должны были быть небольшими по формату и рассчитаны на близкое и длительное рассматривание, так как их могли видеть в основном в штабах МПВО, в дежурках домоуправлений и в бомбоубежищах, где ленинградцы находились часами во время постоянных воздушных тревог. Вот почему листы «Боевого карандаша» и приняли форму повествовательного рассказа, инструктивного плаката, плаката-лубка.

С точки зрения внешней формы и жанра листы «Боевого карандаша» — совершенно новая и оригинальная форма изобразительного искусства, находящаяся на стыке плаката, лубка и эстампа. Многокрасочные цветные литографии в очень разнообразных композиционных решениях разрабатывали самые различные темы: героический город Ленина, его мужественные защитники, их боевые дела и ратные подвиги, великое историческое прошлое города.

---

[8] Матафонов В. Боевой карандаш. — В кн.: Художники Ленинграда в годы блокады. Л., 1965, с. 70.

«В самые напряженные дни художники перешли на казарменное положение, — вспоминает И. Астапов, — дежурили на чердаках и крышах, тушили зажигалки. Но листы „Боевого карандаша“ все еще продолжали выходить. В декабре 1941 года кольцо блокады затягивалось все туже. Погас свет. Мастерская наша стала. Тогда мы пытались вручную печатать листы „Боевого карандаша“. Нам было очень трудно, но все твердо знали, что это только временно».[9]

«Поздравляю тебя с днем рождения, — пишет Самуил Миронович 11 августа 1941 года своей тринадцатилетней дочери, которая в самом начале войны была эвакуирована в Ташкент. — Я долго думал, что бы тебе пожелать к этому дню, что тебе сильнее всего нужно? И решил, что нужнее всего тебе нужно сейчас — это гибель Гитлера и всех фашистов. Потому что и тебе и всем нам трудно будет жить, если где-то ... будет жить фашизм. Ведь он виновник того, что мы в день твоего рождения находимся далеко друг от друга, ведь он виновник того, что мы не можем тебя сегодня особенно приласкать и расцеловать. Но ты не огорчайся, сейчас все, все, все работают для того, чтобы скорее уничтожить эту гадину. И я в «Боевом карандаше», и мама, и тетя, и Люлик [сын Алянского, — *С. Б.*] своими дежурствами и другими работами. У всех нас одна мысль, одна забота сейчас: помогать Красной Армии уничтожить фашизм...».[10]

А вот другое письмо: «Дорогая моя доченька. Прости, что так редко пишу и не обижайся на твоего папку. Я очень занят и с раннего утра возвращаюсь домой усталый очень поздно, а раз в 5—6 дней и вовсе не прихожу ночевать, остаюсь дежурить на работе... Если все люди, взрослые и дети, будут трудиться и помогать нашей Родине, мы скоро покончим с проклятыми фашистами и вновь у нас начнется хорошая веселая жизнь. А пока потерпим и злее будем ненавидеть врага и будем работать, работать и работать!».[11]

Блокадной зимой 1941/42 года Издательство Ленинградского союза художников во главе с Алянским, по-

---

[9] Астапов И. «Боевой карандаш». Выставка в библиотеке имени В. И. Ленина. — Вечерняя Москва, 1943, 15 окт.

[10] С. М. Алянский — Н. С. Алянской, 11 VIII 1941 г. — Личный архив Н. С. Алянской.

[11] С. М. Алянский — Н. С. Алянской, 6 X 1941 г. — Там же.

мимо плакатов «Боевого карандаша», выпустило 18 портретов, 25 эстампов, 6 гравюр, а также «Ежегодник Союза Советских художников» общим тиражом 610 тыс. экземпляров. Кроме того, было выполнено свыше 500 работ для Ленинградского горкома партии, для Политуправления фронта, для Горкома комсомола и для издательства «Искусство».[12]

Их было двадцать восемь — художников и поэтов, авторов «Боевого карандаша», вместе с Алянским и четырьмя его помощниками (заведующий складом, секретарь, старший бухгалтер и мастер-литограф И. Пожильцов). В самые тяжелые дни войны и блокады они были вместе со всем народом и доблестно сражались, как солдаты, каждый на своем посту.[13]

Из них погиб каждый четвертый. Блокадной зимой 1942 года погибли Н. Тырса, И. Холодов, И. Королев, А. Жаба, умерла художник-скульптор С. Пелипейко, слегли от дистрофии И. Пожильцов и Б. Тимофеев, из последних сил держались Н. Муратов и С. Алянский, умирали от голода жена и сын Самуила Мироновича. В начале февраля 1942 года правление Ленинградского Союза советских художников решило эвакуировать из блокадного города Н. Муратова, Г. Верейского, С. Алянского. Самуил Миронович смог взять с собой лишь два альбома с записями авторов «Алконоста» и несколько самых драгоценных и дорогих его сердцу книг с автографами Блока, Ахматовой, Белого, Федина. Вся остальная ценная библиотека старого издателя погибла в блокадном Ленинграде.

. . . .

Из письма Алянского дочери 18 марта 1942 года (Москва, клиника питания при Всесоюзном научно-исследовательском институте питания):

«Не писал тебе все это время потому, что очень уж тяжело было мне. Правда, и теперь не легче, но когда-нибудь же надо мне поговорить с тобой. Когда мы встретимся, я подробно расскажу тебе о последних днях нашей

---

[12] Отчет о работе Ленинградского союза художников за год войны с июня 1941 по июль 1942 г. — ЛГАЛИ, ф. 3270, оп. 1, ед. хр. 22, л. 2.

[13] Списки художников и поэтов, работавших в «Боевом карандаше» в годы войны, приведены в кн.: Каталог выставки ленинградского плаката «Боевой карандаш». Рига, 1947.

милой мамочки. Бедная, так мечтала повидать тебя, она так без тебя скучала.

Хотя мамочка была и очень больна и давно, но такого конца я не ждал, вот почему смерть ее явилась для меня страшным ударом, от которого не знаю, когда и как оправлюсь. Ведь когда подумаешь, что теперь придется жить без нее — становится страшно жить. Ты, вероятно, не так остро это почувствуешь, так как почти год жила без нее, а нам пришлось видеть все страдания ее за последние месяцы, нам всем ее было так жалко и нас сердило, что мы так мало могли ей помочь.

Только теперь я чувствую по-настоящему, чем была для меня и для нашей семьи мамочка; только теперь, когда уже поздно, когда ее не стало. Все время думаю о будущем и никак представить его себе без мамочки не могу. Я стал беспомощным и беззащитным человеком, который не может решить ни одного самого простого вопроса. Что мы теперь будем делать, как будем жить, еще не знаю. Но эти все вопросы будем решать позднее, когда встретимся. А сейчас у меня одна забота — это здоровье Люлика. Он был очень плох, и жизнь его была в опасности. Теперь, врачи говорят, он поправится. Я лежу с ним в одной больнице... Здесь есть все то, чего нам в течение последних 4-х месяцев не хватало в Ленинграде: здесь тепло, светло и отлично кормят. Я лично здесь хорошо отдыхаю, но Лев идет на поправку медленно...».[14]

Из письма Алянского к родным 6 апреля 1942 года: «...Смерть Люлика для меня была такой же неожиданностью, как, вероятно, и для Вас, хотя я находился все время при нем.. Горя моего не рассказать. Передо мной еще свежая могила Надюшки и вдруг вторая смерть. Это уже даже для моих нервов и моего здоровья — много. Самое страшное, что я оказался один, совершенно один. Теперь я уже не верю, что Ниночка здорова и стремлюсь скорей в Ташкент, но меня все пугают поездкой...».[15]

В мае 1942 года Самуил Миронович приезжает к дочери в Ташкент. Трагический период в его жизни кончился, но память навсегда сохранила блокадный Ленинград и всех, кого знал он и любил в те суровые годы.

---

[14] С. М. Алянский — Н. С. Алянской, 18 III 1942 г. — Личный архив Н. С. Алянской.

[15] Там же.

Когда через много лет Алянский прочел в «Правде» очерк своего племянника Юрия Алянского, посвященный поэтессе Ольге Берггольц,[16] которую знали в годы блокады все ленинградцы, он сразу же послал ему письмо: «О твоей статье в „Правде" скажу как всегда правду. Статья меня порадовала главным образом тем, что она почти целиком посвящена Ольге Берггольц, самой светлой, самой чистой и, вероятно, самой талантливой писательнице Ленинграда. Я рад за нее и еще больше за тебя...».[17]

По скромности Самуил Миронович не упомянул в неопубликованной автобиографии, что за выпуск «Боевого карандаша» в блокадном Ленинграде, кроме почетной грамоты Политуправления Ленинградского фронта и значка «Боевой карандаш», он был награжден медалью «За оборону Ленинграда».

Алянскому всегда везло на настоящих друзей. Повезло и в Ташкенте. «Наконец, получил в Ташкенте комнату на Пушкинской улице. Этим я был обязан добрым вмешательством в мою судьбу живших тогда, как и я, в эвакуации в Ташкенте Е. П. Пешковой и С. М. Михоэлса».[18] Екатерина Павловна Пешкова, первая жена А. М. Горького, знавшая Алянского еще со времен «Алконоста», и народный артист СССР С. М. Михоэлс рекомендовали Самуила Мироновича на должность директора Изобразительного агиткомбината Союза художников Узбекистана. Опыт «Боевого карандаша» пригодился: в Ташкенте Алянский продолжает выпускать плакаты для фронта, плакаты для победы над врагом.

«Я не писал тебе все это время потому, что боялся, не знал, жив ли ты, — пишет Алянский из Ташкента своему старому другу, издательскому работнику М. А. Сергееву. — Теперь узнал, что жив. Милый, прими мои поздравления и пожелания счастья и благополучия. Раз дожил до 43 года — держись. Сегодня пил водку и вспомнил тебя, вспомнил весь прошлый год и ревел как белуга. Ведь ты, вероятно, слышал о моих несчастьях, о гибели Надежды Львовны и сына. Я уверен, что 43 год будет годом конца Гитлера и тогда мы должны встретиться.

---

[16] Алянский Ю. Не дам забыть. — Правда, 1969, 25 янв.

[17] С. М. Алянский — Ю. Л. Алянскому, 26 I 1969 г. — Личный архив Ю. Л. Алянского.

[18] Алянский С. М. С. М. Михоэлс в Ташкенте (рукопись), л. 2. — Личный архив С. М. Алянского.

П. И. Чагин вызывает меня в Москву на работу. Думаю ... к весне ехать в Москву, ... надо там устраиваться на остаток дней... Я работаю здесь в Союзе художников. Живу с дочерью... Трудно нам, но скрипим. От Федина получил два письма из Чистополя, где он живет с семьей...».[19]

В марте 1943 года Алянский был вызван на работу в Москву. Отныне и до конца своих дней Самуил Миронович живет в Москве. Вскоре после переезда он пишет дочери в Ташкент: «... Зря ты послала мне сахар. Я писал тебе уже, что сахар покупай и кушай, он крайне необходим организму, а утром, если выпьете сладкого чаю с хлебом и маслом, то это и сытость дает. А мне сахару, пожалуйста, больше не посылай. Мне вполне хватит того, что я буду получать по рабочей карточке. Кстати, сообщаю тебе, что дают здесь по рабочей карточке: 1) сладкого — 500 гр.; 2) жиры — 800 гр.; 3) крупы — 2000 гр.; 4) мяса — 2200 гр.; хлеба — 600 гр.; хлеб дают половину черный, половину — белый. Рабочую карточку на май я уже получил... Комнату получить здесь очень трудно... До сих пор я жил у Екатерины Павловны [Пешко́вой, — *С. Б.*] в столовой...

На днях начал работать в Товариществе «Советский график», — это Товарищество художников, которое издает лубки, открытки и другие агитационные картинки, одним словом, работа, которую я вел в Ленинграде. Работа интересная и нужная, и отношение здесь ко мне очень хорошее... Как видишь, все хорошо. Не хватает мне одного — моей дочурки...».[20]

Но Алянского неудержимо влечет к себе детская книга. Сначала он — художественный редактор (в июле 1943 года Самуила Мироновича приняли в члены Союза советских художников) и член редколлегии журнала ЦК ВЛКСМ «Мурзилка», а с 1945 года и до конца своих дней — художественный редактор, а потом консультант

---

[19] С. М. Алянский — М. А. Сергееву, 1 I 1943 г. — ОР и РК ГПБ, ф. 1109, ед. хр. 1577, л. 4. — *Чагин* Петр Иванович (1898—1967) — крупный издательский работник, в 20-е годы — редактор ленинградской «Красной газеты», в 1939—1946 гг. — директор издательства «Художественная литература». (См. о нем: Борисов Л. И. За круглым столом прошлого. Воспоминания. Л., 1971).

[20] С. М. Алянский — Н. С. Алянской, 25 IV 1943 г. — Личный архив Н. С. Алянской.

по художественному оформлению цветной дошкольной книги в издательстве «Детская литература». Мы не знаем, чем объяснить такую привязанность Самуила Мироновича к детской книге. Может быть, потеря собственного сына и гибель блокадной зимой сорок первого года маленьких ленинградцев способствовали желанию Самуила Мироновича приносить последние годы своей жизни радость и счастье детям? Мы не знаем этого. Но мы знаем, что С. М. Алянский стал настоящим другом детской книги.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

Уже в первые годы после Октября нашлись в нашей стране талантливые писатели и художники, которые борьбу за детскую книгу сделали не только лозунгом, но и делом всей жизни. В конце 1924 года в Ленинграде были открыты почти одновременно детское издательство «Радуга» и Детский отдел Госиздата — Детгиз, ставший позднее самостоятельным издательством. Художественные редакции в «Радуге» и в Детском отделе Госиздата возглавлял замечательный советский художник Владимир Васильевич Лебедев (1891—1967).

Возникновение этих издательств представляет собой одну из важнейших исторических вех в развитии советской книжной графики. В «Радуге» и в Детском отделе Госиздата сотрудничали К. С. Петров-Водкин, В. М. Ермолаева, В. Е. Татлин, В. М. Конашевич, в середине 20-х годов в детскую книгу пришли А. Ф. Пахомов, А. Н. Самохвалов, Е. К. Эвенбах, Т. В. Шишмарева, Л. А. Юдин, а несколько позже к ним присоединились Ю. А. Васнецов, Е. И. Чарушин, В. И. Курдов, П. И. Басманов, В. А. Власов. Почти все они в то время стали учениками и в какой-то мере последователями В. В. Лебедева, которому принадлежала ведущая роль в определении творческой линии советской детской книжной графики.

В первые годы после Великой Октябрьской революции наиболее заметное место в оформлении детской книги продолжают занимать художники «Мира искусства», так как они были единственной группой, имевшей значительный опыт работы над художественной детской книгой.

В. В. Лебедев сохранил, хотя и в заново переработанном виде, созданный «Миром искусства» принцип целостности и стилистического единства всех элементов книжного оформления. Но во всех остальных своих творческих особенностях система В. Лебедева, поддержанная его единомышленниками и развитая учениками, была полемически направлена именно против эстетского стилизаторства эпигонов «Мира искусства». В. Лебедев от начала до конца конструирует детскую книгу, тщательно разрабатывая ее макет, чтобы все ее элементы были связаны между собой единым ритмом и составляли единое художественное целое. Для каждой книги он находит новое оригинальное решение, новый прием, который наиболее отвечает выявлению ее идейного смысла. В противовес подражателям «Мира искусства» В. Лебедев выдвигал в качестве главной задачи иллюстратора и оформителя детской книги «не декоративное украшение книжного листа, а раскрытие идейно-образного содержания книги и одновременно архитектонически четкое построение всех ее графических элементов. Ясность, предметная точность и жизненная достоверность изображения стали теми принципиально новыми качествами, которые Лебедев и художники его круга внесли в книжную графику».[1]

В работе над оформлением детской книги С. М. Алянский всегда следовал творческим принципам В. Лебедева. Самуил Миронович познакомился с художником еще в начале 20-х годов и с тех пор на всю жизнь остался его верным учеником и почитателем. В начале 20-х годов большинство художников «Мира искусства» работало в издательстве «Аквилон», которое специализировалось исключительно на выпуске иллюстрированных изданий. В 1921 году руководитель «Аквилона» Ф. Ф. Нотгафт предложил С. М. Алянскому, одновременно с «Алконостом», заниматься выпуском художественных книг в «Аквилоне». Эта работа продолжалась недолго, но она многому научила Самуила Мироновича.

«Роль, которую сыграли художники книги из группы

---

[1] Петров В. Пятьдесят лет ленинградской книжной графики. — В кн.: Искусство книги 1967. Вып. 7. М., 1971, с. 67. См. также: Сушанская В. В. В. Лебедев как художник детской книги. — В кн.: О литературе для детей. Вып. 3. Л., 1958, с. 141—150.

„Мир искусства", была бесспорно прогрессивной, — вспоминает С. М. Алянский. — Люди большой культуры, крупных талантов и тонкого вкуса пришли в книгу в начале века, когда во все области искусства, в том числе и в книгу, проник так называемый стиль модерн.

Такие художники, как А. Бенуа, М. Добужинский, Г. Нарбут, В. Замирайло, Д. Митрохин, С. Чехонин, Б. Кустодиев и В. Конашевич, за исключением последнего, не так уж много сделали книг, но зато каждая осталась в памяти.

В 20-е и 30-е годы мне пришлось встретиться на работе с художником Б. Кустодиевым, который проиллюстрировал пером книгу Н. Лескова „Леди Макбет Мценского уезда" (1930 г.) и автолитографиями „Шесть стихотворений" Некрасова («Аквилон», 1921 г.), с художником В. М. Конашевичем, который сделал рисунки к стихам Фета (1922 г.), вызвавшие много противоречивых суждений, с художником Н. Н. Купреяновым, ... с художником В. В. Лебедевым, который сделал обложку к стихам А. Радловой „Корабли" (1920 г.)...

Для первой книги издательства „Аквилон" — повести Карамзина „Бедная Лиза" — были заказаны иллюстрации Добужинскому (книга вышла в «Аквилоне» в 1921 году).

С тщательным вниманием и кропотливостью относился художник к выбору формата издания, к плотности бумаги, к шрифту, к его размеру; словом, все детали производства книги его интересовали, и он активно во все вмешивался. Я учился на опыте этого мастера. Встречи с Добужинским на конкретной работе обогащали меня знаниями, которых не получишь ни в учебнике, ни в каких учебных заведениях».[2]

Художники «Мира искусства», особенно М. В. Добужинский, а также В. В. Лебедев, развивший лучшие графические достижения «Мира искусства» в новой, советской действительности, — вот та искусствоведческая база, на которой сформировался Алянский как художественный редактор. История советской детской литературы знает множество примеров, когда именно художники, а не критики были наиболее проникновенными истолкователями литературных образов. Недаром К. А. Федин ска-

---

[2] Алянский С. М. Воспоминания о художниках книги. (Публикация С. В. Белова). — Байкал, 1976, № 2, с. 142, 144.

жет, что «детская книга в СССР — это явление истории. Такая книга не существовала бы без рисунков особого качества, каким обладали наши наилучшие мастера».[3]

Если В. В. Лебедев способствовал эстетическому воспитанию Алянского, то литературному восприятию детской литературы он в значительной степени обязан другому замечательному мастеру советской детской литературы — Самуилу Яковлевичу Маршаку. В 20-е годы в Ленинграде организуется детский альманах «Воробей», а затем журнал для детей «Новый Робинзон», ставший своеобразной творческой лабораторией, где под руководством Маршака создаются первые произведения для детей молодой Советской республики. Именно тут рождались первые кадры советской детской литературы: Маршак был первым редактором и наставником Б. Житкова, М. Ильина, Л. Пантелеева, Евг. Шварца, В. Бианки и многих других широко известных теперь детских писателей.

И не случайно самым интересным и, пожалуй, до сих пор непревзойденным в советской детской литературе и книжной графике остается сотрудничество В. Лебедева и С. Маршака. Критик В. Смирнова подметила характерную особенность Маршака — детского писателя: Маршак «приходит к сегодняшнему ребенку „одетый книгой“, очень хорошо чувствует этот „книжный“ облик поэзии, и сама книга для него не просто способ передачи ребенку того, что он написал, а тоже что-то живое, одно из тех чудес, которые расцветают перед нами в детстве, образ пленительный и яркий, волшебное окно в мир. Для Маршака слово в детской книжке неразрывно связано со страницей, на которой оно напечатано, с рисунком, с белым или цветным полем бумаги, с разворотом, обложкой, шрифтом, с форматом книжки».[4]

Алянскому посчастливилось в течение многих лет работать с В. Лебедевым, В. Конашевичем, Ю. Васнецовым, Е. Чарушиным, С. Маршаком, К. Чуковским, Л. Пантелеевым, Б. Житковым и другими крупнейшими деятелями советской литературы. Они утверждали, что детям

---

[3] Федин К. А. Предисловие. — В кн.: Конашевич В. М. О себе и своем деле. М., 1968, с. 15.

[4] Смирнова В. В. О детях и для детей. [Изд. 2-е, доп.]. М., 1967, с. 70.

нужно настоящее искусство, настоящая литература, требовали от детской книги высокого мастерства, подлинного вдохновения, точного знания жизни, неоднократно подчеркивали в своих выступлениях всю полноту ответственности автора и художника детской книги за каждое слово, за каждый рисунок. Как художественный редактор и консультант по художественному оформлению дошкольной книги, Алянский всегда следовал этим основополагающим принципам своих многолетних друзей и единомышленников. Достаточно посмотреть тезисы доклада Самуила Мироновича «О книгах для маленьких», который он сделал в 1958 году на совещании детских писателей и художников в издательстве «Детская литература»:

1. Значение дошкольной книги в деле морального, политического и эстетического воспитания новых поколений нашего общества; 2. Несмотря на ряд недостатков в дошкольной книге, у нас накопился целый ряд книг, которые выдержали испытания временем и живут 2—3 десятилетия; 3. Детские книги, первые книги, остаются в памяти на всю жизнь; 4. Наша детская книга служит образцом для воспитания детей зарубежных стран, и в первую очередь для стран народной демократии. Об этом свидетельствуют переводы наших книг на разные языки; 5. Все это обязывает всех нас: писателей, художников, редакторов, бумажников, машиностроителей, химиков, полиграфистов, участвующих в создании детской книги, критически просмотреть результаты своего труда и дать им нужную оценку... 8. Издание книг для маленьких — это большое государственное дело, а в таком деле нельзя крохоборствовать и решать его надо по-государственному... 9. В нашей стране, где забота о детях всегда была одной из первых забот государства, где детям в самые тяжелые дни войны отдавались лучшие дефицитные продукты питания, где сейчас все время растет промышленность предметов детского обихода, где строятся невиданные в мире универмаги для обслуживания детей, — надо добиться, чтобы и духовные потребности детей — детская книга — удовлетворялись с неменьшим вниманием и упорством.[5]

Итак, «издание книг для маленьких — это большое государственное дело», и именно так подходил Самуил Миронович к своей работе художественного редактора и консультанта по художественному оформлению книги.

Алянскому довелось работать в Детгизе с художниками В. Лебедевым, Ю. Васнецовым, Ю. Коровиным, В. Конашевичем, А. Каневским, Е. Чарушиным, Н. Цейт-

[5] Личный архив С. М. Алянского.

линым, Т. Ереминой, Л. Зусманом, Т. Мавриной, М. Митуричем и многими другими прославленными мастерами советской детской иллюстрированной книги.

Заслуженный художник РСФСР Т. А. Еремина, почти двадцать пять лет проработавшая вместе с Самуилом Мироновичем над оформлением детских книжек, вспоминает: «Работать с Алянским было и легко и трудно. Благодаря огромному опыту, он очень точно определял все „недостатки“ в той или иной работе художника. Рецептов, как их исправить, никогда не давал, а если что советовал, то как-то ненавязчиво и тоже очень точно. В первые годы нашей работы я иногда пыталась возражать и спорить по поводу некоторых его замечаний, но каждый раз, спустя время, убеждалась, что он был абсолютно прав и впоследствии безоговорочно делала все, что он советовал. Лишь желание сделать хорошую, красивую книгу, а не личные вкусы и капризы руководили редактором Алянским, и художники это всегда чувствовали. Очень был доволен, когда знал, что художник по-настоящему хочет сделать работу так хорошо, как только может, не считаясь ни со временем, ни с обстоятельствами.

Если что-то не удавалось, советовал рисунки спрятать, отложить на время, заняться чем-нибудь другим. Халтуры не прощал, если видел легкомысленное отношение к работе, умел поговорить с художником вежливо, тихим голосом, но так жестко, что разговор запоминался надолго. Хвалил не часто и сдержанно, тем более его похвала была ценна и окрыляла. Сам был пунктуален и аккуратен и от нас требовал пунктуальности, обязательности. Поэтому молодые или ищущие легкого заработка художники не очень стремились с ним работать и откровенно его побаивались. Терпеть не мог претенциозных, „накрученных“ макетов, которыми некоторые пытаются прикрыть свою профессиональную несостоятельность. Я с ним сделала много книг, наверное, не менее сорока, но особенно мне запомнилась работа над двумя сказками К. Г. Паустовского («Стальное колечко» и «Растрепанный воробей»), которого Самуил Миронович очень любил и я тоже. Каждый рисунок без конца мы обсуждали, я сделала массу вариантов, волновались и очень радовались, когда Паустовскому все понравилось и он не сделал нам ни единого замечания. Алянский всегда говорил, что художник должен помнить, для кого он делает книгу (для

детей, а дети не прощают неточностей, несовпадений с текстом, непонятных рисунков!)».[6]

Алянский был одним из инициаторов выпуска популярной детгизовской серии «Книга за книгой» и целого ряда детских иллюстрированных изданий, отмеченных наградами за художественное оформление.

Но признание пришло не сразу. Ведь после войны в Детгизе пришлось начинать почти с нуля. Традиции первого детского издательства «Радуга» и довоенного Детгиза по выпуску детской иллюстрированной книги были в значительной степени утрачены. Пришлось заново создавать детскую иллюстрированную книгу, причем на совершенно новом качественном и количественном уровне. Об этом говорили Самуил Миронович, а также известные детские художники и писатели еще в 1944 году на встрече с редакцией «Комсомольской правды».[7]

Детская иллюстрированная книга стала важнейшим делом жизни старого мастера, его призванием. И если художники приносили ему плохие иллюстрации, он искренно обижался, как будто это лично ему причинили большое зло.

Искусствовед Ю. Молок опубликовал значительную часть переписки С. М. Алянского с выдающимся художником детской книги Владимиром Михайловичем Конашевичем,[8] с которым Алянский выпустил целый ряд интересных книжек в Детгизе: «Плывет, плывет кораблик» — английские народные песенки в переводе С. Маршака, «Муха-Цокотуха» К. Чуковского, «От одного до десяти» С. Маршака, «В гости» Л. Квитко, «Сказки» А. С. Пушкина. Поразительны письма Самуила Мироновича — поразительны по своей прямоте и откровенности. А ведь Конашевич был не просто художником, выполнявшим для Алянского ту или иную работу: он был старым другом и товарищем Самуила Мироновича еще с начала 20-х годов, когда они вместе работали в «Аквилоне».

---

[6] Цит. по: Белов С. В. Консультант по художественному оформлению — С. Алянский. — ДЛ, 1976, № 5, с. 72.

[7] См.: У нас в гостях: С. М. Алянский, Б. А. Дехтерев, А. М. Каневский, В. В. Лебедев, С. Я. Маршак. — Комсомольская правда, 1944, 21 сент.

[8] См.: Конашевич В. М. О себе и своем деле. Воспоминания. Статьи. Письма. Сост., подготовка текста и примечания Ю. Молока. М., 1968, с. 361—391.

И вот маститому художнику и старому другу Алянский посылает довольно нелицеприятное письмо, в котором резко и честно высказывает свое недовольство работой Конашевича над «Мухой-Цокотухой»:

1. Я всегда у Вас учился правильному пониманию задач художника детской книги, и я твердо усвоил и принял Ваше отношение к оценке живописных средств и приемов в книге, и в частности в дошкольной книге. Вы всегда говорили, что живописный растёк или неопределенный живописный мазок, уместные в станковых вещах, — противопоказаны в книге. И вы научили меня ненавидеть так называемую «живописность» в книге. И вдруг!

Правда, у Вас нет «вкусного растёка» или «широкого мазка», у Вас более организованная живопись, но все же это живопись, все же элементы неопределенности в ней имеются, и это, простите, раздражает.

Не могу понять, что с Вами случилось? После таких блестящих графических работ, которые Вы выдали нам за последние годы, Вас вдруг потянуло в живопись.

2. Теперь о Ваших цветах. Мне показалось, что Ваши цветы, очень красивый декоративный элемент оформления, используются Вами за последнее время что-то очень уж часто, они начинают переходить у Вас из книжки в книжку...

Конечно, Ваши цветы очень красивы, но когда красота начинает превалировать над содержанием, над действием, — она перестает отвечать прямой задаче — иллюстрации...[9]

Такое письмо мог написать только человек, твердо знающий, что «издание книг для маленьких — это большое государственное дело». Конашевич это понял и не обиделся. Он подготовил новые рисунки к «Мухе-Цокотухе», в которых учел все замечания Самуила Мироновича. Вообще прямота и откровенность в наибольшей степени определяли нравственный облик Алянского. При этом ему важно было не покрасоваться своей прямотой, а убедить иллюстратора детской книги сделать рисунки на самом высоком художественном уровне. Он прекрасно понимал, что настоящая дружба заключает в себе права и обязанности. И широко пользовался главным образом своими обязанностями. Правами, в том числе и дружескими, пользоваться не любил. И не умел.

«В дни, когда я овладевал литературной профессией, — вспоминает племянник Самуила Мироновича, писатель Юрий Алянский, — мне, естественно, не раз приходило в голову, что Самуил Миронович, старейший издатель-

[9] Там же, с. 367.

ский работник, мог бы помочь мне тем или иным образом. Но я не обращался к нему за помощью, зная, как не терпел он всяческих протекций, особенно — в делах творческих.

Однажды, уже на склоне его лет, возник у меня с ним разговор на эту тему. Я попросил дядюшку „порадеть родному человечку“. Самуил Миронович ответил мне очень серьезно: „Если я хоть слово скажу о тебе, если хоть о чем-нибудь попрошу для тебя, это будет означать, что ты ничего из себя не представляешь и нуждаешься в «подпорке». Ты должен добиться самостоятельно...“.

И я добился самостоятельно того, о чем шла тогда речь. И благодарен Самуилу Мироновичу, что вместе с победой он дал мне почувствовать радость успеха, добытого собственными руками».[10]

С. М. Алянский обладал счастливым даром быстро распознавать истинный художественный талант. И если ему случалось встретить — а если встретить, то и полюбить — такого художника, то он оставался верен этой любви до конца. Так возникла дружба С. М. Алянского с Ю. А. Васнецовым.

Этому талантливому, яркому мастеру Самуил Миронович предложил проиллюстрировать русские народные сказки и песенки «Ладушки». Первая книга вышла в 1964 году, а вторая часть — «Радуга-дуга» — через пять лет. С. М. Алянский был не просто консультантом по художественному оформлению книг Ю. А. Васнецова. Выдвинув идею издания «Ладушек», он затем «пробивал» ее, а когда идея стала реально осуществляться, помог художнику своими конкретными советами и указаниями по оформлению книги: Алянский раз и навсегда поверил в талант Ю. Васнецова и сделал все, чтобы «Ладушки» увидели свет. Сохранилась большая неопубликованная переписка консультанта с художником. Вот одно из писем С. М. Алянского:

Милый Юрочка, я рад поздравить Вас с выходом в свет книги «Ладушки». Большое спасибо за присланный экземпляр с трогательной надписью. Получив книгу, не удержался и еще раз начал ее пересматривать. И чем больше перелистываю, тем удивительней кажется мне эта книга. В ней всего 80 страниц, каза-

---

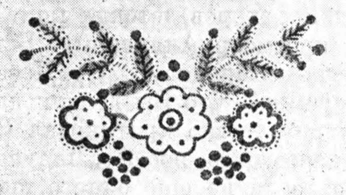
[10] Ю. Л. Алянский — С. В. Белову, 15 III 1976 г. — Личный архив С. В. Белова.

ЛАДУШКИ

РУССКИЕ НАРОДНЫЕ

СКАЗКИ
ПЕСЕНКИ
ПОТЕШКИ

РИСУНКИ Ю. ВАСНЕЦОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА". МОСКВА 1966

Титульный лист книги Ю. Васнецова «Ладушки».

лось бы, немного, но на каждой странице — произведения искусства, которыми можно часами наслаждаться. Каждый раз открываю новые находки, не перестаю восхищаться красотой, с такой щедростью заполнившей страницы. Я видел эту книгу много раз в разных стадиях. И вот теперь опять смотрю, опять волнуюсь и опять радуюсь...

В книге меня радует все: и веселый, насыщенный и сверкающий цвет, и трогательный, внимательный рассказ, и нежнейшие украшения шрифта из растительного и животного мира, радует тонкая поэтичность всех, положительно всех разворотов, каждый из которых законченное музыкальное произведение.

Трудно перечислить все достоинства Вашего труда, но самым главным из них, на мой взгляд, является щедрая, горячая, буйная и заразительная любовь художника к жизни и природе.

Книга эта смелая, яркая и новая по форме. Такой еще не было, и я уверен, она послужит блестящим примером для молодых художников — как следует решать детские книги. Книга эта будет иметь долгую и славную жизнь...[11]

Но и в своих взаимоотношениях с Ю. А. Васнецовым, как и в творческом содружестве с В. М. Конашевичем, когда дело касалось издания книг для маленьких — «большого государственного дела», — Самуил Миронович был всегда принципиален и откровенен.

Например, после выхода «Ладушек» Ю. Васнецов сделал рисунки к «Теремку» С. Маршака для Лейпцигской выставки работ иллюстраторов детских книг и послал их предварительно на просмотр Алянскому. Вскоре Самуил Миронович отвечает Васнецову: «...Несколько слов о моей критике „Теремка“, что Вы делали для Лейпцига. Быть может, я слишком резко критиковал Вашу работу, простите. Мне казалось, что после „Ладушек“ я имею право ждать от Вас, если не еще одного шага вверх, то во всяком случае — уровня „Ладушек“. Меня разочаровали левые сторонки разворотов, в „Ладушках“ они богаче, содержательнее, оригинальнее и интереснее. Но все это придирки к мастеру, которого любишь и высоко ценишь его искусство. Только так прошу понять мою правдивую критику, я очень жалею, что не видел этих рисунков в процессе работы, как привык видеть Ваши книги; быть может, Вы тогда согласились бы со мной. Ну да теперь, что говорить. Еще раз простите, если моя критика

---

[11] С. М. Алянский — Ю. А. Васнецову, 13 XII 1964 г. — Цит. по: Белов С. В. Консультант по художественному оформлению — С. М. Алянский, с. 71.

Вас огорчила, поверьте, она продиктована добрыми чувствами...».[12]

Самуил Миронович объединял вокруг себя большую группу московских художников, с которыми работал долгие годы. Ю. Д. Коровин, Н. И. Цейтлин, Ф. В. Лемкуль, А. М. Ермолаев, Г. Е. Никольский и более молодое поколение — М. П. Митурич, Л. А. Токмаков, В. А. Чижиков, Н. А. Устинов, В. А. Дувидов — многим обязаны С. М. Алянскому, его безошибочному и тонкому художественному вкусу и многолетнему издательскому опыту.

С рисунками Ю. Д. Коровина в 1967 году вышел сборник В. Маяковского «Детям», а в 1971 — «Дядя Степа» С. В. Михалкова. С рисунками Н. Цейтлина особенно удались Алянскому подарочные книги: О. Дриз «Разноцветный мальчик» (1968 г.), Б. Житков «Что бывало» (1970, 1971 гг.), «Сказки братьев Гримм» (1974 г.).

Художник Федор Викторович Лемкуль, много работавший вместе с Алянским, вспоминает: «Работать с Самуилом Мироновичем мне нравилось, так как он любил книгу, хорошо чувствовал ее, у него был вкус к издательской работе, была заинтересованность. Была полная ясность требований к художнику, и если он одобрял, принимал работу, то уж отстаивал ее в последующих многочисленных утверждающих инстанциях.

Он не был флюгером или просто передаточной инстанцией между художником и главным художником издательства, как это часто бывает, — он был активным участником процесса создания книги.

Книгу он ощущал как целостный организм (не картинки, вклеенные в текст), в котором художник, делающий ее, волен распоряжаться как хочет, лишь бы сохранилась четкость и ясность как в макете, так и в рисунке, чтобы восприятие рисунков, иллюстрирующих текст, не было для ребенка чрезмерно затруднено».[13]

Иногда можно услышать мнение, что Алянскому, мол, не приходилось много работать над книгой, так как у него всегда были опытные, прекрасные художники. Но это глубоко ошибочное мнение. В этом можно убедиться,

---

[12] С. М. Алянский — Ю. А. Васнецову, 8 VII 1965 г. — Личный архив Ю. А. Васнецова.

[13] Ф. В. Лемкуль — С. В. Белову, 14 XII 1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

читая письма Самуила Мироновича к В. М. Конашевичу и Ю. А. Васнецову. А вот что пишет многолетний сотрудник Алянского, заведующая редакцией дошкольной книги издательства «Детская литература» Л. Я. Либет: «Самуил Миронович сам, как правило, не делал макетов книг, а требовал их от художников, но над рисунками, над книгой как художественным произведением он работал очень тщательно, много и был строг и к маститым, и к молодым. Требовал от художников дисциплины в работе. Любимыми для Алянского были книги для маленьких, он очень хорошо чувствовал текст книги, любил и понимал стихи для маленьких. Был строг и к литературным редакторам, требовал, чтобы они следили за соответствием текста и рисунков, и не любил высказывания: „Мне нравится“ или „Мне не нравится“, — хотел, чтобы мнение редактора или автора было всегда мотивированным».[14]

Вечный, неутомимый труженик, Самуил Миронович никогда на трудности не жаловался, не хандрил и не брюзжал. Можно даже сказать, что Алянский, вероятно, не случайно нашел свое призвание в издании книг для маленьких, ибо тот «детский оптимизм», который присущ ребенку и необходим ему как мощный рычаг воспитания, — несомненно, был творческим и человеческим кредо самого Самуила Мироновича. И в своих изданиях, как и в жизни, он всегда стремился удовлетворить эту детскую жажду радости. Алянский был удивительный жизнелюб, он никогда не говорил о смерти.

В 1968 году по приглашению известной французской переводчицы произведений К. Г. Паустовского и других советских писателей, активного члена общества «Франция—СССР» Лидии Делекторской Алянский едет в Париж. Самуилу Мироновичу было уже 77 лет. Но с каким юношеским пылом и задором он «облазил» все уголки Парижа, с каким жадным, неуемным любопытством он вникал во все мелочи французской жизни, наконец, с какой поэтичностью и детской непосредственностью он вспоминает два года спустя о своей поездке в письме к Л. Н. Делекторской:

---

[14] Л. Я. Либет — С. В. Белову, 2 II 1976 г. — Там же.

Дорогая Лида! Спасибо Вам за письмо, за добрые слова о моей книжке.[15] Ваши слова о том, что сумел показать Блока таким, что его можно полюбить, — это самая высокая оценка, самые драгоценные для меня слова. Спасибо. Низко Вам кланяюсь.

Интерес к жизни и творчеству Блока у нас так велик, что любая книга о нем расходится вмиг. Разошлась и моя книга.

Вы советуете заняться воспоминаниями о других людях, с которыми счастливая судьба столкнула меня в жизни. Надо, я знаю, что надо, но не всегда это мне по силам.

Бывает, однако, так, что небольшой, казалось бы, повод вдруг толкнет память в такую сторону, которую совсем не ждал. Так случилось со мной.

Вас удивляет мое молчание, а я вот уже две недели пишу Вам письмо. Его можно было бы назвать «Воспоминание о Париже». Не знаю, закончу ли когда-нибудь это письмо, но мне хочется, чтобы Вы знали, о чем оно и что толкнуло меня писать.

Недели три назад я попал с Ниной [дочь Алянского, — *С. Б.*] в маленькое кино, где показывают документальные картины. Показывали там нашу советскую картину «Песни Франции», о современных французских песнях, певицах и певцах. Начали с показа Эдит Пиаф, которую у нас очень любят, потом показали других и кончили молоденькой прекрасной певицей с прической — «челка» (а фамилию не запомнил). А между песнями авторы показывали Париж, живой Париж.

Мне показалось, что песни и певцы были только поводом для авторов этой картины. Основной же целью их было показать Париж, но не тот Париж, который принято показывать туристам, т. е. достопримечательности его (Эйфелева башня, «Нотр Дам» и др.), а Париж будничный, тот самый Париж, который Вы мне показывали во время наших прогулок. Авторы фильма были, должно быть, влюблены именно в такой Париж, Париж улиц, бульваров, заполненных людьми, которые куда-то спешат или медленно прогуливаются, где много витрин, магазинов и крохотных кафе, в которых очень тесно, но в то же время уютно сидеть, словом, тот Париж, который Вы видите каждый день, но не всегда замечаете, который и у меня промелькнул как сон. С экрана я увидел, что «мой Париж» вовсе не сон, он, оказывается, существует. Я так разволновался вдруг, что с трудом сдержал себя, своими репликами даже мешал Нине смотреть. А вернувшись домой и в последующие дни не мог справиться с нахлынувшими воспоминаниями.

По мере того как память возвращала эпизод за эпизодом, пережитые в Париже в начале 1968 года, я пытался записать их, чтобы при случае рассказать Вам, свидетельнице и участнице этих эпизодов.

Мне, например, вспомнилась светлая, во всех отношениях, поездка в Шартр. Вспомнилось все до мелочей: вагон, в котором ехали, Ваш рассказ об увиденном из окна, о Вашем деревенском домике. Вспомнилась прогулка по очаровательному старинному

---

[15] Речь идет о первом издании книги Алянского «Встречи с Александром Блоком» (М., 1969).

солнечному городку, площадь с сквером, окаймленная двухэтажными домами (а может быть, — одноэтажными?), где высится величественный, грандиозный собор с волшебными витражами и сказочным ковром декоративных пятен на каменных плитах собора. И как удивительно у нас на глазах эти пятна меняли цвет и форму — это путь солнечных лучей, прошедших через яркие витражи, создавал волшебство...

Это всего лишь небольшая часть зрительных впечатлений от Шартра, нахлынувших как-то сразу. А сколько их было от прогулок по Парижу? Мне кажется, их было больше, чем дней, прожитых в Париже. И теперь мне непонятно, как все это уместилось в один месяц.

Когда я вернулся из Парижа и рассказал о моей поездке, то получилось так, что самое сильное впечатление оставили во мне — витражи. Такое чудо я видел впервые, и оно действительно меня потрясло. Все остальные впечатления остались в каком-то тумане. И потребовалось два года, чтобы во мне «созрело» все обилие зрительных впечатлений и душевных переживаний, связанных с поездкой в Париж. Они огромны и, мне кажется, что я никогда не сумею донести до Вашего сознания, до Вашего сердца всю глубину моей благодарности Вам за эту поездку, за то, каким добрым вниманием Вы окружили ее.

Примите мою запоздалую, но горячую благодарность и верьте в мою преданность. Целую Вас. Ваш С. Алянский.[16]

Но была у Алянского в Париже и встреча со своим прошлым: он посетил жившего там уже много лет друга своей молодости — художника Юрия Анненкова. Их свидание было прохладным и сдержанным. «Я знал, что в Париже благополучно живет и работает Жорж Анненков, знал об этом от разных людей, побывавших в Париже, — писал Алянский Анненкову еще за несколько лет до встречи, — но я никак не мог совместить в себе образ друга моего детства и юности — Юрочку с отвлеченным для меня образом известного французского художника Жоржа Анненкова».[17]

И хотя с 1963 по 1968 год Алянский и Анненков обменялись десятком теплых и дружеских писем, однако после встречи в Париже их переписка, по существу, прекратилась. «До сих пор не могу понять, что могло быть причиной нашей прохладной встречи в Париже, — пишет Алянский Анненкову вскоре после возвращения в Москву. —

[16] С. М. Алянский — Л. Н. Делекторской, 12 III 1970 г. — Личный архив Н. С. Алянской.

[17] С. М. Алянский — Ю. П. Анненкову, 29 I 1963 г. — Личный архив С. В. Белова.

Не могу упрекнуть себя в том, что я был предубежден против тебя. Наоборот, я с радостью ждал встречи с тобой. Думаю, что и у тебя не было оснований быть ко мне предубежденным. Откуда же эта прохлада? Неужели время так охладило наши сердца? Непонятно и грустно это».[18]

Незадолго до встречи в Париже Самуил Миронович прочел воспоминания Ю. П. Анненкова, вышедшие за рубежом на русском языке.[19] Алянского поразило, что Анненков «сжег все, чему поклонялся» в революционные годы, поразила его и недостоверность многих фактов, связанных с именем Блока, в частности эпизода, который потом войдет в книгу самого Алянского «Встречи с Александром Блоком» под названием «Юбилей „Алконоста"». «В нем [в этом эпизоде, — *С. Б.*] столько грубых отклонений от истины, — писал Алянский ленинградскому исследователю творчества Блока Л. К. Долгополову, — что я не счел бы возможным использовать эти воспоминания о Блоке как достоверное свидетельство современника... Я потерял доверие к этой книге и, скажу откровенно, *сочинение* Анненкова меня не интересует».[20]

Но главная причина отчужденности, возникшей при встречи двух старых уже людей, когда-то бывших друзьями, была в том, что Самуил Миронович никак не мог понять — почему русский художник Юрий Анненков покинул в 1924 году Родину и живет в Париже.

Позднее Самуил Миронович писал своему племяннику Ю. Л. Алянскому, что во время встречи с Анненковым в Париже он вспомнил далекий день 1 мая 1921 года, когда Блок по дороге в Москву читал ему и Чуковскому стихотворение Анны Ахматовой:

Мне голос был. Он звал утешно,
Он говорил: «Иди сюда,
Оставь свой край глухой и грешный,
Оставь Россию навсегда...».
. . . .
Но равнодушно и спокойно
Руками я замкнула слух,

---

[18] С. М. Алянский — Ю. П. Анненкову, 4 XI 1968. — Там же.
[19] Анненков Ю. Дневник моих встреч. Цикл трагедий. Т. 1—2. New York, 1966.
[20] С. М. Алянский — Л. К. Долгополову, 25 XII 1966 г. — Личный архив Л. К. Долгополова.

Чтоб этой речью недостойной
Не осквернился скорбный дух.[21]

В том же письме племяннику (от 24 января 1970 г.) Самуил Миронович вспомнил и другой день — августовский день того же 1921 года, когда они вместе с Анненковым опускали в землю Смоленского кладбища в Петрограде гроб с телом Александра Блока и мысленно клялись в верности заветам великого поэта.

Несмотря на преклонный возраст, Алянский успевает побывать на всех московских и ленинградских выставках, принимает участие во всех совещаниях по детской литературе, находит время, чтобы подбодрить теплым словом своих друзей, а главное — продолжает выпускать прекрасные детские книжки. Правда, с начала 60-х годов, в связи с уходом на пенсию, Алянский работает в издательстве «Детская литература» только на договорных началах и подпись «художественный редактор» сменяет теперь в конце книг подпись «Консультант по художественному оформлению», но, как и раньше, Самуил Миронович ежедневно появляется в издательстве и также неутомимо отдается любимому делу. Именно в 60-е годы Алянский выпускает лучшие иллюстрированные детские издания.

У Самуила Мироновича было желание успеть до своей смерти сделать с каждым из больших художников толстую подарочную книгу, своего рода «библию». В силу особенностей работы издательства «Детская литература» заказы на такие книги были сделаны художникам как бы по частям. Сначала на 10-листные книги. Так Е. И. Чарушин начал работу над сборником своих рассказов «Тюпа, Томка и Сорока». Вторую часть он сделать не успел. Книга вышла в 1963 году. Евгений Иванович Чарушин — крупный мастер советской детской литературы и книжной графики. Жизнь природы раскрывается в его произведениях как бы сама по себе, в том многообразии ее проявлений, с которым сталкивался писатель и художник и о которых он рассказал своим юным читателям. У Чарушина «дан круг еще самых простых яв-

---

[21] Ахматова А. Мне голос был... (1917 г.). — Избранное. М., 1974, с. 228. — По словам К. И. Чуковского, Блок, прочитав это стихотворение, добавил: «Ахматова права. Это недостойная речь. Убежать от русской революции — позор». (Чуковский К. И. А. Блок как человек и поэт. Пг., 1924, с. 34—35).

лений, — отмечает критик Г. Гроденский, — но их вполне достаточно, чтобы у ребенка оказались заложенными правильные, очищенные от суеверий и предрассудков, представления о природе».[22]

Здесь Е. И. Чарушин не был одинок. Он продолжил традиции крупных советских писателей-анималистов: М. Пришвина, В. Бианки, И. Соколова-Микитова, прививавших детям любовь к природе, закладывавших в ребенке элементарные основы материалистического мировоззрения.

В 1972 году С. М. Алянский выпускает прекрасный подарочный альбом И. С. Соколова-Микитова и талантливого художника Г. Е. Никольского «Год в лесу», включающий выходившие раньше отдельными изданиями книжечки по временам года: «Зима в лесу», «Весна в лесу» и т. д. Редактор Детгиза Н. Терехова писала после смерти Алянского: «В работе над новым типом познавательной книги, каким по существу и является сборник „Год в лесу“, деятельное участие принимал старейший художественный редактор издательства „Детская литература“, один из зачинателей книгоиздательского дела в нашей стране Самуил Миронович Алянский. Он был большим другом Соколова-Микитова и Никольского, работал над многими их книгами, которые они делали независимо друг от друга. И всегда эти книги отличали высокая культура, какая-то особенная изысканность и вкус».[23]

За художественное оформление книга «Год в лесу» была награждена на Международной книжной выставке в Болонье Большой Золотой медалью.

Уже после смерти Алянского — в 1975 году выходит подготовленная им к печати книга рассказов и сказок Виталия Бианки «Лесные домишки» с рисунками сына Е. Чарушина — талантливого ленинградского художника Н. Чарушина.

С В. В. Лебедевым Алянский задумал выпустить большую книгу С. Я. Маршака «Детям», где были собраны почти все последние совместные работы Лебедева с Маршаком; книга эта вышла в свет в 1967 году.

Случилось так, что Самуил Миронович пережил почти

---

[22] Гроденский Г. Евгений Иванович Чарушин. — В кн.: О литературе для детей. Вып. 6. Л., 1961, с. 139.

[23] Терехова Н. Книга Соколова-Микитова «Год в лесу» и ее читатели. — Дошкольное воспитание, 1975, № 3, с. 113.

всех своих друзей и единомышленников: В. В. Лебедева, К. И. Чуковского, К. Г. Паустовского, Е. И. Чарушина, Ю. А. Васнецова. Особенно потрясла его смерть Корнея Ивановича Чуковского. И не только потому, что все послевоенные годы он работал вместе с ним, выпустив целый ряд отличных книг. Для Алянского Чуковский был прежде всего человеком, с которым они вместе знали и любили Блока. В день 80-летия Чуковского Алянский подарил ему портрет Блока. Вскоре Чуковский пишет Алянскому: «Связал нас Блок, и теперь, глядя на Ваш дивный подарок, висящий у меня в комнате, я вспоминаю Вас, вспоминаю с глубочайшей любовью и нежностью...».[24]

«Наша сороколетняя дружба выдержала испытание временем, — пишет Чуковский Алянскому в другом письме. — ... Как любил я читать Вам свои молодые статьи, как восхищало меня Ваше отношение к Блоку, как понимаю я Константина Александровича [Федина, — *С. Б.*], для которого Вы родная душа...».[25]

После похорон Чуковского Алянский писал дочери: «Ушел еще один дорогой для меня, да и для тебя человек... Для меня это был щедрый и добрый человек, которому я так же, как и Вяч. Иванову, обязан за то несметное богатство духа, которыми они делились со мной так щедро. Я рад, что успел показать ему последнюю корректуру книги о Блоке и воспользоваться его указаниями...».[26]

Блок «связал» Самуила Мироновича и с К. Г. Паустовским. Зимой 1960 года, когда отмечалось восьмидесятилетие со дня рождения Блока, Алянский и Паустовский приезжали в Ленинград. Они долго бродили по блоковским местам, зашли во двор дома Блока на бывшей Офицерской улице, в тот самый дом, куда сорок два года назад пришел восторженный почитатель великого поэта Алянский и предложил ему организовать издательство по выпуску его произведений...

Затем Алянский с Паустовским поехали на могилу Блока. Участница этой поездки Елизавета Аркадьевна Лыжина вспоминает: «В тот приезд в Ленинград, и в ту

---

[24] К. И. Чуковский — С. М. Алянскому, 13 IV 1962 г. — Личный архив С. М. Алянского.

[25] К. И. Чуковский — С. М. Алянскому, апрель 1962 г. — Там же.

[26] С. М. Алянский — Н. С. Алянской, 1 XI 1969 г. — Личный архив Н. С. Алянской.

нашу поездку Константин Георгиевич много и совершенно необыкновенно читал стихи — Пушкина, Блока, Заболоцкого... Алянский иногда поправлял его, а Паустовский говорил, что при прекрасной памяти иногда почему-то запоминает другие слова, чем написаны в стихотворении, и никак потом не может переучить на правильные. Вообще, оба они прекрасно дополняли друг друга и чувствовалось, что им вместе было всегда очень хорошо, легко и интересно. Паустовский что-то в лицах рассказывал, Алянский внимательно слушал, иногда вставляя какую-нибудь реплику, которая в свою очередь делалась темой для нового устного рассказа Паустовского. Я старалась слушать и не пропустить ни слова. Константин Георгиевич, со свойственной ему деликатностью, спрашивал: „Мы Вас еще не заговорили?“.

На кладбище стало очень грустно. Все было покрыто мокрым снегом, со всех сторон дул ветер. Я решила расчистить дорожку к могиле, так как оба они были в полуботинках и пройти было очень трудно. Вместе, двумя фанерами, мы расчистили всю площадку у могилы, а Константин Георгиевич отскоблил рукой обледенелую надпись... И тогда, и теперь меня не покидает чувство незаслуженного и огромного счастья, которое свалилось на меня в ту зиму и в ту поездку на могилу Блока...».[27]

...И вот наступило 80-летие мастера книги.

Дорогой Самуил Миронович!

Комитет по печати при Совете Министров горячо поздравляет Вас, одного из старейших работников советского книгоиздательского дела, со славной юбилейной датой — восьмидесятилетием со дня Вашего рождения.

Пятьдесят лет своей жизни Вы посвятили искусству детской книги, ее художественному оформлению, отдали этому свой большой опыт, знания и добрый талант. Особенно значительны Ваши заслуги в создании дошкольной книги, графическое искусство которой завоевало высокое признание общественности.

Желаем вам, дорогой Самуил Миронович, самого хорошего и крепкого здоровья, новых творческих достижений и долгих лет плодотворного служения нашей детской литературе.

29 мая 1971 г.

Первый заместитель Председателя Комитета по печати при Совете Министров РСФСР

В. Грудинин.[28]

---

[27] Е. А. Лыжина — С. В. Белову, 4 X 1976 г. — Личный архив С. В. Белова.

[28] Личный архив С. М. Алянского.

В том же 1971 году книги Ю. Васнецова «Ладушки» и «Радуга-дуга» были удостоены Государственной премии СССР. Это — лучшее признание заслуг Алянского перед советской детской книгой и литературой.

Но здоровье Самуила Мироновича ухудшалось: годы брали свое. Ему уже трудно стало каждый день появляться в издательстве «Детская литература». Все чаще художники приходили к Самуилу Мироновичу домой, показывали ему макеты своих новых книг, спрашивали его совета и делились с ним соображениями о задуманной книге. Художница Т. А. Еремина, посещавшая в то время Алянского, вспоминает: «В частной жизни Самуил Миронович был человеком огромного обаяния. Не могу сказать, чтобы он был очень общителен, наверное друзей у него было не так уж много, по крайней мере в то время, что я его знала, но дружить он умел преданно и нежно, и ему платили тем же.

Скромности был необычайной. Например, я всегда знала, что он был хорошо знаком с А. Блоком, но о той роли, которую Самуил Миронович сыграл в последние годы жизни Блока, мне стало известно только, когда он стал писать свою книгу, и я услышала главы из нее.

Очень в нем было сильно чувство собственного достоинства. Никогда, ни перед кем не пресмыкался, не умел просить и хлопотать за себя...

Любил веселую, интересную компанию, хорошую шутку, смеялся, как ребенок, от всей души.

Любил делать подарки, всегда какие-нибудь необычные. Однажды, на какое-то зимнее торжество, в страшную метель, он приехал ко мне с большой веткой цветущей азалии. В другой раз, зная мое пристрастие к К. Г. Паустовскому, ко дню моего рождения сделал его портрет, сам сфотографировал Константина Георгиевича и сам красиво окантовал.

Был всегда элегантно одет, конечно, соответственно возрасту. Элегантность была ему свойственна не только в одежде, но в том, как он ходил, разговаривал, словом, во всем его поведении...

Не любил, когда болел, чтобы его навещали, стеснялся показаться не в форме. Даже незадолго до смерти, когда был совсем слаб, — встречал посетителей чисто выбритый, принаряженный, ни слова, ни жалобы на болезни и немощи. Поистине, — деревья умирают стоя!

Я думаю, что Самуил Миронович прожил жизнь нелегкую, но безусловно счастливую, так как зарабатывал свой хлеб делом, которое любил горячо и бескорыстно и так много успел сделать...».[29]

...Первая книга, которую выпустил в своей жизни Самуил Миронович, была поэма Александра Блока «Соловьиный сад». За полтора года до смерти, в конце 1972 года, Самуил Миронович выпускает вторым изданием свою книгу «Встречи с Александром Блоком». Круг замкнулся...

ПОЛВЕКА ДЛЯ СОВЕТСКОЙ КНИГИ

24 июля 1974 года в «Литературной газете» появился некролог[1] «Слово прощания»: «Умер Самуил Миронович Алянский. Его имя особенно хорошо известно и любимо в кругу писателей и художников, создающих литературу для детей.

Более сорока лет жизни, сначала в издательстве „Молодая гвардия", а затем в „Детской литературе", Самуил Миронович посвятил поискам стиля советской дошкольной книги, привлечению к работе над нею крупнейших художников, воспитанию молодых оформителей. Высокий профессионализм и творческий характер неизменно отличали всю его деятельность в области искусства книги.

Стоявшему у колыбели советского издательского дела, Самуилу Мироновичу принадлежит заслуга первого отдельного издания поэмы Александра Блока „Двенадцать". С организованным С. М. Алянским издательством „Алконост" связаны последние годы жизни великого поэта, восторженным и верным другом которого был юный издатель-энтузиаст. Привлекательные по своей точности и благородной сдержанности воспоминания С. М. Алянского „Встречи с Александром Блоком" получили заслуженную известность. Память об этом скромном и преданном рыцаре книги, человеке большой внутренней культуры, доброжелательности и такта навсегда сохранится в сердцах всех, кто имел счастье знать его и работать вместе с ним».[2]

[29] Т. А. Еремина — С. В. Белову, 5 XII 1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

[1] С. М. Алянский умер 18 июля 1974 г. Прах С. М. Алянского захоронен под Ленинградом, в городе Пушкине, в могиле его отца.

[2] Некролог подписали К. Федин, С. Михалков, С. Сартаков, М. Алигер, К. Пискунов, Б. Дехтерев, Ст. Лесневский, А. Турков.

С. М. Алянский выпустил почти все послереволюционные произведения Александра Блока. И если бы даже Самуил Миронович, кроме Блока, больше ничего не издал в своей жизни, он все равно бы навечно вписал свое имя в историю отечественной литературы и культуры.

Но ведь через руки С. М. Алянского прошли еще книги А. Ахматовой, К. Федина, К. Паустовского, К. Чуковского, А. Толстого, О. Форш, Н. Тихонова, С. Михалкова, С. Маршака, В. Шишкова, И. Соколова-Микитова, В. Каверина, В. Шкловского, М. Зощенко, М. Шагинян, Б. Житкова, Б. Пастернака, М. Слонимского, Б. Лавренева, Л. Раковского, Ю. Тынянова, М. Козакова и многих других крупнейших советских прозаиков и поэтов.

«Жизнь писателя — это его книги. А скольким книгам Вы дали жизнь!? Ваша биография переплетается с судьбами множества литераторов России, среди которых много достойных имен. Я благодарен Вам за то, что Ваше внимание коснулось и моих произведений» — написал Сергей Михалков в альбом Алянскому в день его 70-летия.[3]

С именем Алянского связаны и создание советского эстампа, и выпуск «Боевого карандаша», и расцвет нашего искусства иллюстрирования книги. Ему довелось работать с такими талантливыми художниками, как В. Замирайло, А. Головин, М. Добужинский, Ю. Анненков, Б. Кустодиев, Н. Купреянов, В. Фаворский, Н. Тырса, О. Верейский, И. Астапов, Н. Муратов, В. Курдов, В. Лебедев, Ю. Васнецов, В. Конашевич, Е. Чарушин, Б. Дехтерев, А. Каневский, Л. Зусман, Ю. Коровин, Т. Маврина, М. Митурич, Т. Еремина, Н. Цейтлин, Ф. Лемкуль, и многими другими крупнейшими художниками-иллюстраторами.

Трудно и даже практически невозможно подсчитать общий тираж книжной продукции, выпущенной С. М. Алянским за полвека издательской деятельности. С именем Самуила Мироновича связаны и первые шаги советского книгоиздательского дела, и его последующие замечательные достижения. Уже в преклонном возрасте, С. М. Алянский работал в издательстве «Детская литература», отдавая весь свой богатейший опыт детской иллюстрированной книге.

«Многолетнее творческое общение с К. Чуковским, С. Маршаком, К. Паустовским, И. Соколовым-Микитовым

[3] Личный архив С. М. Алянского.

и другими замечательными представителями нашей литературы, долгие годы совместной работы с такими прославленными мастерами книжной графики, как В. Лебедев, В. Конашевич, Е. Чарушин, Ю. Васнецов, А. Ермолаев, и с более молодыми художниками детской книги — все это неотделимо от творческого пути С. М. Алянского».[4]

Бескорыстно преданным своему любимому делу С. М. Алянский остался в памяти всех знавших его. М. С. Шагинян, представительница старшего поколения советских писателей, посчитала своим долгом прислать автору этой книги воспоминания, в которых чувствуется глубокая заинтересованность в создании первого очерка жизни и деятельности С. М. Алянского.

М. С. Шагинян пишет: «Самуила Мироновича Алянского я знала с 20-го или 21-го года в Ленинграде, тогда еще Петрограде. Дружба с ним и уважение к нему с первого знакомства продолжались у меня все последующие годы, когда мы оба перебрались из Ленинграда в Москву. В год нашего с ним знакомства мы жили всей семьей в Доме Искусств на углу Мойки и Невского, прекрасно описанном в „Сумасшедшем корабле" О. Д. Форш. Самуил Миронович был известен тогда как издатель — первый издатель „Двенадцати" Блока. Спустя полвека он вошел в историю советской литературы уже как автор своей превосходной книжки воспоминаний о самом Блоке, высоко оцененной знатоками нашей литературы. Это был удивительный человек — большого внутреннего такта, глубокого и серьезного отношения к искусству, умения просто и спокойно переносить невзгоды жизни и всегда думать о других больше, чем о себе. С ним было легко, он создавал атмосферу „легкого дыханья" вокруг себя. Самые нервные люди черпали как бы помощь и успокоение от одного только молчаливого присутствия его в комнате. Когда Блок заболел, Самуил Миронович почти ежедневно посещал его, чтобы помочь жене Блока достать все необходимое для больного, и Блок, не допускавший к себе никого, радовался его приходу и любил его близость.

В те дни огромного общего нашего волнения и беспокойства за жизнь любимого поэта Самуил Миронович был как бы „вестником" оттуда, — где медленно угасал Блок...

---

[4] Пискунов К. Ф. Друг детской книги. — Учительская газета, 1971, 29 мая.

Мне лично дорого вспоминать, как в эти тяжелые дни Блок через Самуила Мироновича захотел поместить мою пьесу „Чудо на колокольне“ в своем тогдашнем журнале „Записки мечтателей“, и его письмо ко мне (за три месяца до кончины поэта) принес от него и вручил мне именно Самуил Миронович».[5]

Несколько дополнительных штрихов приводит в своих воспоминаниях об Алянском известный советский писатель Л. Пантелеев: «Это был человек внешне не яркий, не эффектный, очень скромный (по-настоящему, органически скромный). Он не был художником, поэтом, на первый взгляд он вообще был человеком далеким от искусства, человеком, интересы которого вращаются где-то ближе к производству, к организации, к делу, чем к душе этого дела. Но это было обманчивым впечатлением. Если бы это было так, если бы Самуил Миронович был *владельцем* „Алконоста“, а не творцом и вдохновителем его, если бы он умел только считать и калькулировать, вряд ли прилепился бы к нему душой Александр Блок и вряд ли столько других людей искусства вспоминали бы о нем теперь с такой благодарной и уважительной нежностью.

Он знал и тонко понимал искусство, в частности книжную графику, хотя в искусствоведах не числился, занимал скромный пост художественного консультанта в издательстве „Детская литература“...

И еще об одном нельзя не сказать — о высокой принципиальности Самуила Мироновича, о тех чертах, которые всегда отличали лучших представителей русской интеллигенции. Он боялся малейшей моральной оплошности, малейшей несправедливости. Приятно вспомнить, что были случаи, когда в сомнительных ситуациях он обращался ко мне. Когда, например, он работал над книгой воспоминаний об Александре Блоке, он позвонил мне однажды — из Москвы — по телефону и сказал, что ему нужен мой совет. В книге он рассказывает о том выступлении А. А. Блока в Политехническом музее, когда Сергей Бобров с места крикнул: „Вы умерли“, „Вы покойник“ или что-то в этом роде. Самуил Миронович коле-

---

[5] Шагинян М. С. Воспоминания о встречах с С. М. Алянским (рукопись) 8 марта 1976 г. — Личный архив С. В. Белова.

бался, писать об этом или не писать. Как, мол, я скажу, так он и поступит.

Я сказал: „Не пишите, Самуил Миронович. Случайно я знаю, что старик Бобров только что перенес инфаркт, такое напоминание может убить его". „Хорошо. Не буду", — сказал Самуил Миронович и, поблагодарив меня, повесил трубку.

Он был человеком обязательным. В прошлом [1974, — *С. Б.*] году для одной работы мне понадобилась справка, как выглядели земгусарские погоны, которые носил в 1917 году А. А. Блок. Написал Самуилу Мироновичу. Он тотчас откликнулся, объяснил, какие это были погоны. А недели через две приходит из Москвы большой пакет — в нем фотографии Блока в земгусарской форме. И там же письмо, написанное, правда, уже не Самуилом Мироновичем, а рукой его дочери Нины Самуиловны.

„Возможно, Вы уже знаете о кончине папы", — прочел я — и почувствовал неподдельную боль утраты. Нет, о кончине Самуила Мироновича я не знал...

В том же письме Нина Самуиловна писала: „За день до смерти папа просил достать ему фотографии Блока, чтобы отобрать Вам нужные. В той папке, которую я ему дала, он нашел лишь две фотографии Блока с погонами, собирался в ближайшие дни найти еще, но не пришлось...".

„На прощание, — заканчивает свое письмо Нина Самуиловна, — хочу Вам написать, что папа очень любил Вас и уважал как человека и писателя".

Я тоже и любил и уважал Самуила Мироновича. Не я один, впрочем...».[6]

Имя С. М. Алянского навсегда останется в истории советской культуры. Вся его жизнь и издательская деятельность учат бескорыстно любить и ценить книгу — это, «быть может, — по словам А. М. Горького, — наиболее сложное и великое чудо из всех чудес, сотворенных человечеством на пути его к счастью и могуществу будущего».[7] Полвека С. М. Алянский посвятил тому, чтобы приблизить человечество «к счастью и могуществу будущего».

«Нельзя сказать, что я знаю Самуила Мироновича очень давно, — написал Константин Паустовский в мае

---

[6] Л. Пантелеев — С. В. Белову, 8 XI 1975 г. — Личный архив С. В. Белова.

[7] Каталог издательства «Всемирная литература». Пг., 1919, с. 5.

1961 года в альбоме в честь 70-летия Алянского. — Я познакомился с ним всего лет десять назад. Но каждый год общения с Самуилом Мироновичем можно засчитать за несколько лет по силе его человеческого обаяния на нас, его друзей. Обаяние это — в твердости, чистоте и подлинности его вкусов, его мыслей, его честного отношения к действительности.

Самуил Миронович — один из интереснейших людей нашего времени — знает, что мир не так уж богат талантливыми и непосредственными людьми. Поэтому он ищет талантливых людей и легко общается с ними.

Алянский — жизнелюб. О таких людях, как Самуил Миронович, принято говорить, что они „всё понимают". Это — одна из величайших похвал в нашей сложной жизни.

Его любовь к поэзии и живописи самоотверженна, взыскательна, и против этой любви Самуил Миронович ни разу в жизни не погрешил. Есть люди — не художники и не писатели, но без них не могла бы существовать в полной мере та светлая и благородная струя, которая питает мастеров и помогает им сохранить свое творческое лицо и свободу во всех самых тяжелых обстоятельствах.

Алянский предан искусству и правде искусства порыцарски — без страха и упрека.

Для меня Самуил Миронович — не только друг, вошедший в мою жизнь в те годы, когда дружба возникает чрезвычайно редко.

Для меня Самуил Миронович существует еще как друг нашего великого и печального поэта Александра Блока. Мне иной раз кажется, что благодаря дружбе с Алянским я становлюсь ближе к Блоку. Моя любовь к Блоку достигла своего полного расцвета после встречи с Алянским и после его рассказов о Блоке. Алянский по самой своей сути — издатель. Всем памятны книги издательства „Алконост", которым руководил Алянский. Деятельность „Алконоста" вошла в историю нашей культуры, как одно из значительных ее явлений.

Я поздравляю Самуила Мироновича с его большой, благородной и целеустремленной жизнью».[8]

В лице Самуила Мироновича Алянского мы чтим замечательного мастера советской книги, отдавшего всю свою жизнь благородной цели просвещения советского народа.

---

[8] Личный архив С. М. Алянского.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Автобиография — Автобиография С. М. Алянского (рукопись). — Личный архив С. М. Алянского.

Алянский — Алянский С. Встречи с Александром Блоком. [Изд. 2-е]. М., 1972.

БС — Блоковский сборник. Труды научной конференции, посвященной изучению жизни и творчества А. А. Блока, май 1962 года. Тарту, 1964.

ВЛ — Вопросы литературы [журнал].

ДЛ — Детская литература [журнал].

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР (Пушкинский дом).

ЛГАЛИ — Ленинградский государственный архив литературы и искусства.

ЛН — Литературное наследство.

ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

ОРиРК ГПБ — Отдел рукописей и редких книг Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Владимирович Белов

МАСТЕР КНИГИ

Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского

Утверждено к печати
Редколлегией серии научно-популярных изданий Академии наук СССР

Редактор издательства В. Л. Афанасьев
Художник Г. В. Смирнов
Технический редактор Г. А. Смирнова
Корректор Г. А. Александрова

ИБ № 8077

Сдано в набор 11.01.78. Подписано к печати 21.09.78. М-36708. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Печ. л. $3^1/_2$+3 вкл. ($^3/_{16}$ печ. л.)=6.18 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 6.48 Тираж 25000. Изд. № 6681. Тип. зак. № 39. *Цена 25 к.*

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская линия, 1
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО·НАУКА·
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ